

АНДРЕЙ
АНИСИМОВ

АЛЕКСАНДР
САПСАЙ

ПОДАРОК ДЬЯВОЛА

Ангел
смерти
не совершает
ошибок

ДЕТЕКТИВ

Александр Сапсай
Подарок дьявола

«Автор»

2005

Сапсай А.

Подарок дьявола / А. Сапсай — «Автор», 2005

«Ангел смерти» – метко назвал следователь юную Марину...Ее жизнь – жизнь тихой, скромной, «домашней девочки» – студентки внезапно превратилась в ад. Все, с кем она встречается в последние дни, гибнут при загадочных обстоятельствах...Но что может быть общего у незаметного старика-пенсионера, парня из автосервиса, бандитов-«братков»? Возможно, это совпадение?Но чем дальше, тем яснее становится следователю – таких совпадений не бывает...

© Сапсай А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Анисимов, Александр Сапсай

Подарок дьявола

Первому начальнику Главспирта, заместителю наркома пищевой промышленности Исааку Зевелеву посвящается

Пролог

Москва. 1534 год. Январь

Дверь кабака распахнулась, и вместе с клубами хмельного марева на улицу вывалился Афанас Крупнин. Покосил звериным взглядом на караульных, содрал с себя рубаху, заорал благим матом:

– Бабу хочу! В сугробе бабу, чтоб задницей в снег. Прошка, волокиты Глафиру, она ядреней.

Прошка возник, как черт из коробочки. Запрыгал вокруг, зашептал:

– Батюшка, Глафиру никак нельзя. Ее к государю в палаты давеча забрали.

– Кто посмел! Почему к нему?! Он же в немощи. Отдайте девку! Покрошу!

Озверевший Крупнин выхватил из-за кушака пистолю. Прошка повис на руке, получил в зубы, но кремень вышиб искру и пистоля бабахнула в небо. Утирая окровавленную пасть снегом, половой истошно позвал на помощь. Дружки из кабака навалились на Крупнина, уволокли в орущее чрево вертепа, закружили, раскатали на лавке, стали вливать из ковша прозрачную огненную жидкость. Афанас мычал, вращал зрачками, но глотал. Икнув два раза, смирился и затих.

За шумом и пальбой никто не заметил, как из потайного лаза шмыгнула тень. Скрываясь лицом, лазутчик пробежал в ближайший закоулок. Через минуту из тесаных ворот вылетел всадник, кривой улочкой обогнул кабак, промчался мимо церкви Сретенья, мимо теремов Зарядья и проскакал в кремлевские ворота. Не успел сторож на башне ударить в полночный колокол, а Иван Васильевич уже слушал доклад своего доносчика:

– Григорий Стрига, Степанов сын, похвалялся, что на соколиной охоте самого царя за пояс заткнет. Сашка Грядной и того хлестче бахвалился: мол, без моего совета Иван Васильевич ни одной бумаги не составит, будь она по посольскому приказу или церковной.

Государь слушал и ухмылялся в негустую бороду. Его тайный помысел начинал приносить свои ядовитые плоды. От огненного зелья языки отступников развязывались и выплевывали скверну. Пыточные застенки, дыбы и все, чем владели мастера разбойного приказа, с новым веселым напитком в сравнение не шли. Царь сразу оценил силу зеленого змия. А бояре да думные люди кривились. Называли зелье бесовским гостинцем, даром сатаны, подарком дьявола. После родимой браги, медовухи и сладкого фряжского вина горький рецепт алхимика Андрюшки Слободского им не показался. Они даже заходили вокруг царя кругами, понося изобретателя и добиваясь его неволи.

Знал, конечно, царь-государь – он про все в своем царстве-государстве знать должен, – что еще при деде его, Иване III Васильевиче, в монастырях Новгородской и Тверской земель наладили производство огненного зелья из ржи-хлебушка. Но поначалу в малых количествах для местных настоек-травничков. А как попытались самим хлебным вином торговать, Иван III Васильевич им всю свою строгость показал, и дело это вроде бы заглохло. А тут, глянь-ка, безо всяких святых отцов обошлось. Так что Иван Васильевич смышленного стрельца наградил, отписал от войска, скрепил его рецепт царской печатью и дозволил открыть тайный завод. Получив донесение от вновь испеченного заводчика об успешном начале дела, приказал построить первый в Москве кабак. Что и было исполнено в срок.

На Сретенье гуляли пятые сутки... Пятые сутки царские стрельцы держали в боязни всю округу. Новенький, пахнувший сосновой стружкой и смолой кабацкий терем ходил ходуном. Из-за его толстенных стен неслись гогот, крики. И вовсе не вязавшийся с ними тонкий голосок свирели: это дурачок Порфирий тянул сквозь пьяный разгул свою заунывную песню.

Не только мирные путники, но и лихие станичники обходили терем за три версты. Приближаться к царским стрельцам и мешать их веселью грозило острогом. Даже собаки, чуявшие пир, подбегать не решались. Они выли из темноты, постреливая огоньками зеленых глаз в мерцающие квадратики слюдяных окошек.

Издали, с Боровицкого косогора, зазвенели бубенцы. Приказные люди, приподняв шапки, вслушивались в этот перезвон. Один из них испуганно перекрестился:

– Спаси и помилуй... Оне!

Другой прислушался, кивнул:

– Кажись, Оне. Говорили, быдто на богомолье в Лавру собрались, а Оне эвон куда... – И бросился в кабак.

Караульные, как флюгера по ветру, развернулись на приближающийся звон и, прижав секиры к плечу, окаменели. Звон становился громче. Морозная тишь присмирившей Москвы задрожала от цокота тяжелой конницы. Крытый санный возок царя сопровождала кавалькада ратников с пиками. Возок играючи несла тройка вороных. Грозный любил эту масть за буйную, злую красоту. Только вороные на белом снегу Руси отрывались от искрящегося алмазного савана дорог и парили, словно ангелы смерти.

Возница царя правил стоя. Ни он, ни верховые на лошадей не кричали. Только зловещий свист бичей да звон колокольцев. У тесовых ворот кабака кучер осадил царскую тройку. Конники, сопровождавшие государя, спешили и окружили кабацкий терем колючим кольцом. Выбежавшие со двора холопы бросили перед возком на землю соболюе покрывало, а уж потом раскрыли дверцу и помогли Грозному выйти. Приказные грохнулись на колени.

Иван Васильевич, не посмотрев в их сторону, прошествовал к дубовым, обитым кованым железом дверям. Они бесшумно распахнулись перед ним, будто сработали потайные механизмы. В сенях государь приостановился, дав снять с плеча шубу на белых шкурах полярного зверя, и шагнул в гремющую гульбой залу. Вошёл и задохнулся от жара кабацкого застолья. Кроме горьковатого аромата паленой дичи, расстегаев и хмельного кваса, густого духа от разгоряченных мужиков и кисловатого бабьего пота он вдохнул еще не знакомый доселе на Руси перегарный запах.

Под подозрительным взглядом самодержца оружие, жующие и пьющие гуляки притихли, распахнутые, полуоголенные девки схоронились за спинами гуляк, а половые застыли с подносами и кубками. Лишь один дурачок Порфирий в наступившей тиши продолжал выводить коленца нехитрой песенки. Те, что оказались поближе, потянули к его свирели дрожащие руки.

– Не тронь, – остановил холуев государь.

Усердных холопов словно ветром сдуло, а Порфирий ничего и не заметил. Приход царя значил для него не больше, чем звон оброненной со стола чарки. На то он и был дурачок.

Государь послушал музыку, оглядел затихший пир и потеребил бородку:

– Почто присмирели, сюколики, испугались? Аль не рады?

Первым смекнул исправлять оплошность начальный стрелец Григорий Стрига. Он схватил из онемевших рук полового чарку, поджег ее от жаркой лучины и, горящую, подал царю:

– Не присмирели твои соколики, не испугались, а честью видеть тебя переполнились. И стол тебе готовят. – Он склонился, растянув щербатый рот в елейном экстазе.

– Хитер ты, Гришка, – с показным одобрением принял лесть Иван Васильевич. Он знал, что через два месяца отправит Стригу с депешей в Казань, откуда тот живым не вернется. А пока государь добродушно улыбался. Как из-под земли в центре залы вырос стол, резное кресло с горностаевым седалищем, на парчовой скатерти возник горящий канделябр кованого

золота. Царь пригубил из поднесенной чарки огненного зелья и дал себя увести к столу: – Гуляйте, соколики. А вы, девки красные, не прячьтесь. Если молодые да знатные ратники вдоволь налюбовались вашими заветными красотами, не откажите в благосклонности и смиренному старцу...

Румяные молодухи перестали хорониться за спинами удалых стрельцов и, тупя взор, поплыли к царскому столу. Государь осмотрел девок, потрогал их там и сям, положил каждой молодке за пазуху по серебряному целковому и отмахнулся:

– Натешился уже. Идите, горлицы, не обижайте моих соколов.

Распутницы, в полном восторге от царской милости, бросились целовать «смирненного старца» и так преуспели в этом, что их пришлось оттащить силой. Гульба понемногу возобновилась. Сперва с оглядкой на государя, потом смелее, и через полчаса в трапезной кабака снова жрали, пили, орали и щупали девок. Некоторые, по примеру Стриги, подходили с чарками к царю, но сообразив, что ему это в досаду, отстали. Иван Васильевич ковырял кривым басурманским клинком окорочек лебедя, исподволь наблюдая за гульбой. Он уже составил список, куда внес имена нечестивцев, и теперь с тайным злорадством следил за их куражом.

К утру Грозный тихо покинул гульбище. Вернувшись в кремлевские палаты, перед тем как отойти ко сну, вызвал писаря и продиктовал указ.

«Мы, Вседержавец Российский Иоанн IV Васильевич сим повелеваем открыть во всех крепостных городах Руси, где стоят стрелецкие дозоры, по питейному кабаку. Поить в них только ратных начальных стрелецких людей, думных и наместных бояр зельем Андрюшки Слободского. И поставить в тех кабаках тайный пригляд от опричного братства. Крамолы же, под действием зелья выболтанные, заносить в секретную книгу и препровождать государю в руки».

Уже в опочивальне, поглаживая крутые бедра и налитую грудь девки Глафиры, государь продолжал умиляться своим прожектом. Он не сомневался – доносчиков на Руси хватит. А не хватит зелья Андрюшкиного, купцы найдутся. Рецепт-то в руках царя.

Афанас Крупнин проснулся, ошалело вращая башкой. В мутных зрачках отражалось пламя большой жаровни. Под низкими сводами на дыбе корчился раздетый догола, залитый кровью здоровенный мужичина. Приглядевшись, Афанас узнал в нем Сашку Грядного, сотовари: ща по стрелецкой сотне. Тот висел в беспамятстве, и от него, как от кабана, зажаренного на вертеле, несло горелым мясом. Крупнин потряс чубом, отгоняя дьявольское наваждение. Он слыхивал, что новое зелье при слишком частом употреблении вселяет в христианина бесов, и решил: «Началось!»

– Очнулся, злодей... Вспомнил, как злословил о государевой немощи? – Два палача в кожаных фартуках стояли над ним и ухмыляли рожи. Афанас смекнул, что не спит:

– Где я, братцы?

– В термах тайного приказа, пакостник. – Его схватили, поволокли на огромный, пропахший кровью деревянный стол, прикрутили ноги, руки и оскопили.

Часть первая

Два заводчика

Московская область. 1999 год. Сентябрь

Три черных «Мерседеса» в сопровождении милицейского «уазика» лихо пронеслись мимо поста дорожной инспекции и один за другим крутанули с трассы. Через пятьсот метров асфальт закончился, и водителям лимузинов пришлось давить на тормоза. Отчего весь кортеж окутало облако пыли и вынудило седоков наглухо задрать окна.

На переднем сиденье головной машины морщился от тряски Михаил Федорович Чумной. Еще год назад к нему обращались проще. Пьющая часть славного города Новомытлинск, составляющая девяносто девять процентов его мужского населения, величала Михаила Федоровича Чумой, а при панибратстве – Чумкой. Быстрый рост местного авторитета поражал даже выдавших виды уголовников. Особых талантов молодой бугай не выказывал. На поприще бокса, где он подвизался несколько лет, дальше третьего разряда не пошел. Правда, кулаки имел огромные, и драться с ним шпана остерегалась.

Каким образом босяк из райцентра Мишка Чума превратился в Михаила Федоровича Чумного, для большинства его земляков оставалось загадкой. Но назвать неудавшегося боксера личностью заурядной мог только человек, лишенный фантазии. Михаил обладал свойствами характера, весьма подходящими для времени перемен. Он был патологически жаден, даже не догадывался о том, что такое комплексы, ничего не знал о сострадании к ближнему и обладал бульдожьей хваткой. Все это вкупе и привлекло к нему внимание сильных мира сего.

Лимузин, преодолевая очередную яму, грохнул днищем о булыжник.

– Дорогу надо к весне заделать, от этих ухабин пупок развяжется, – проворчал Чумной и грязно выругался. Перебитый на ринге нос предпринимателя не давал ему четко произносить некоторые звуки, что придавало ненормативной лексике бывшего спортсмена особую пикантность.

– Заделаем, Федор Михайлович. Зелененькими посорите, и заделаем, – подобострастно пообещал сидевший сзади глава местной строительной компании Соловьяненко. Неудовольствие Чумного дорожным покрытием сулило строителю неожиданную прибыль.

– Гринами любой мудака дорогу выложит. Кузьмечева надо трясти. Зачем этого педераста мэром посадили? Бюджетик пуцай раскроет.

– Да какой у нашего города бюджет? – Строитель приоткрыл кнопкой окно и для наглядности тезиса смачно схаркнул в щель. Денис Прокопьевич Соловьяненко третий год строил пансионат для одиноких пенсионеров. Строил за счет казны и в возможностях местного бюджета разбирался неплохо.

– Жопу надрать – сыщет, – возразил Чумной.

– Приехали, Михаил Федорович. – Водитель выскочил из машины и открыл хозяину дверцу.

– Мне с вами или обождать? – подал голос строитель.

– Посиди в машине, Дениска. Мне с компаньонами парой слов перекинуться надо. На хрена нам свидетели?

Из задних лимузинов, также с помощью услужливых прихлебателей, на свежий воздух выбрались московские гости – депутат Государственной Думы Владимир Савельевич Шаров и заместитель министра пищевой промышленности Геннадий Прохорович Барруда.

– Бля, грязища!.. Приличные туфли обуть нельзя. Перед москвичами стыдно, – продолжал выказывать неудовольствие смущенный отсутствием цивилизации Михаил Федорович. Соловьяненко высунул голову в окно и успокоил:

– Вы же пока только обживаетесь. Наведете еще порядок.

– С вами наведешь. Вешать за яйца каждого второго... – Сделав столь жестокий вывод, Чумной двинулся навстречу компаньонам. Все трое остановились и обозрели бывшую государственную собственность, переходящую к ним, в руки.

Перед деловыми мужами возвышался двухэтажный барак с покосившимся, облупленным крыльцом и высокий дощатый забор, крашенный полинявшей коричневой краской. Над I крыльцом проходной висел кусок чеканной жести. На нем пытливого глазу открывалась надпись: «Новоытлинский водочный завод». За забором просматривалось старое кирпичное производственное здание. С улицы можно было разглядеть добротную кладку старинного красного кирпича, окна второго этажа, наполовину выбитые, наполовину заделанные фанерой, и крышу, которую венчало изрядно покосившееся наверхие. Первый этаж здания скрывал забор.

Охрана во главе с майором милиции Турыгиным задержалась на крыльце, а троица компаньонов, выразив лицами брезгливое равнодушие, проплыла внутрь. В коридоре, освещенном подмигивающей лампочкой дневного света, взору новых хозяев предстало несколько отслоившихся обоевых пластов и фанерная доска с заголовком «ИНФО». Никакой информации доска не несла. Зато рядом, сбоку, белел клочок бумаги с начертанным химическим карандашом деловым предложением: «Продам три мяшка кортохи нядорого» и подписью: «Игнат».

Приемная с буржуйкой выглядела не столь разоренной, хотя форточку в окне прикрывал, заменяя стекло, квадратик картона. Трое солидных мужей шагнули в кабинет. За директорским столом развалился одутловатый неряшливый гражданин в свитере и жилетке. Перед ним на драном, некогда зеленом сукне гордо поблескивала недопитая бутылка «Новоытлинки», желтели шкурки воблы, мерцал порожний стакан и сиротливо подсыхал огрызок соленого огурца. Рыло директора, нависшее над остатками пира, выражало сугубо отстраненное отношение к окружающему миру. Чумной подошел к столу, взял сидевшего за шиворот, приподнял, аккуратно провел между москвичами и выбросил в коридор. Послышался мягкий удар упавшего тела и тихий мычащий стон.

– Ну что, господа, сами, бля, видите... – Обведя взором директорское помещение, Михаил Федорович вздохнул: – Вот что я от вас получил.

Геннадий Прохорович Барруда покрутил пальцем у виска.

– Дурак ты, Мишка. Стены не нравятся? Наймешь хохлов, через месяц выстроят офис, не хуже столичных. Не о том думаешь. Вопрос – где постоянных рабочих найти? Местных алкашей нельзя. Сам только что человека уволил. Вот о чем шариками крутить надо.

– Надо, но начинать будем не с этого. Пора Михаилу фамилию менять. Станешь Михаилом Станиславовичем Слободским. – И депутат Думы щелкнул Михаила Федоровича костяшкой пальца в лоб.

– А отчество на хрена? Моего папаню Федором назвали. Имя русское, хули плохо? – обиженно проворчал Чумной.

Барруда повысил голос:

– Папаня твой алкаш и уголовник, и хватит выступать. Делают из тебя человека, молчи и радуйся...

– Станиславовичем так Станиславовичем. Мне по фигу, – миролюбиво согласился Чумной. В углу кабинета пылилось «переходящее» красное знамя, рядом стоял шкаф. Владимир Савельевич Шаров открыл его и извлек бархатный альбом с профилем Владимира Ильича Ленина. Сдув с красного бархата изрядный слой пыли, он раскрыл альбом и принялся листать страницы:

– Смотрите, а вот и фотодокументик, подтверждающий мои слова.

– Опять в историю ударился? – Барруда покривился, но в альбом заглянул.

– История – штука полезная, – возразил депутат и тяжело вздохнул: – До чего довели предприятие, скоты. Полюбуйся, Гена, в сороковых годах это был показательный завод. Недавно его посетил сам Микоян с начальником Главспирта.

– «Ням, ням, Микоян!» Ты уже нам рассказывал эту байку. – Барруда уселся в директорское кресло, с отвращением отодвинул хвост воблы, влил в пустой стакан остатки из бутылки и понюхал содержимое.

Владимир Савельевич с любопытством пронаблюдал за действиями замминистра, ожидая, выпьет тот водку или нет. Барруда пить не стал. Депутат одобрительно хмыкнул:

– Знаешь, Гена, если бы нашлась та бумажка, за нее миллион «зеленых», как два пальца.

– «Лимон» «зеленых» – это, бля, звучит, – наострился Чумной.

– Найди заработаешь.

По тону Шарова Чумной не понял, шутит депутат или говорит серьезно.

– А как ее отыщешь?

– Работать надо. В архивах нет, значит, осела где-то вокруг товарища Микояна или директора Главспирта, – загадочно намекнул Шаров, ткнув пальцем в фотографию из альбома.

– А кто такой Микоян?

Депутат с замминистра переглянулись.

– Ты, Миша, сколько классов кончил?

– ...Семь. Не кончил, но в седьмой пол зимы оттопал. Обрыдло... Сколько можно учиться?

Депутат постучал кулаком по столу:

– Дубина, ты хоть рекламу «ням, ням» видел?

– Ну, видел... Мясного комбината реклама. А кто такой Микоян – хрен его знает. – Новоиспеченный заводчик не понимал, почему москвичи привязались с каким-то армяшкой.

– Отстань от него, Шаров, не все же у нас, как ты, со степенью, – заступился за компаньона Барруда и милостиво пояснил: – Анастас Иванович Микоян, Миша, это первый нарком по продовольствию. Он всех пережил – и Сталина, и Хрущева, и Брежнева. Не так давно умер. Вокруг его родни ту бумажку и надо искать.

– А кто с ним еще был? Вы тут, бля, еще одного назвали.

– Соображает, – приятно удивился Барруда: – Это ты у Вовы спроси. Он у нас ученый.

Владимир Савельевич подвинул альбом к Чумному:

– Смотри сюда. Это Анастас Иванович, а рядом начальника Главспирта Моисей Семенович Зелен. Можешь и вокруг его наследников поискать. Хуже не будет.

– Жидок? – усмехнулся Михаил Федорович, отдирая фото от картонной страницы. – Почему не поискать, поищем. А кому за «лимон» «зеленых» эту бумажку втюхать можно?

– Тебе, Миша, даже не втюхивать бы ее, а на американца в суд. Тут уже не одним «лимоном» пахнет. – Шаров загадочно улыбнулся.

К государственной Фемиде Михаил Федорович относился с подозрением:

– Охренели?! Почему в суд мне, а не вам?

– Гена, объясни этому кретину. Я от него устал.

– Потому, господин хороший, что ты теперь владелец частной компании и станешь наследником древнего купеческого рода, а мы люди казенные. Подать в суд можем. Выиграем – денежки в казну утекут. Понял, дубина? – зло пояснил Барруда. Тупость провинциального компаньона москвичей начала уже всерьез раздражать.

– Кажись, врубился, – кивнул Михаил Федорович, спрятал карточку в карман и прислушался.

В коридоре раздавалось странное сопенье, постепенно переводящее в рев. Через секунду на пороге возник «уволенный» директор с лицом цвета бархатной обложки альбома и, размахивая чем-то вроде тесака, бросился на обидчиков. Чумной мгновенно выхватил из кармана

«Макарова» и выстрелил в грудь бывшего хозяина кабинета. Тот замер, выронил из рук тесак, с хрипом два раза вдохнул спертый воздух барака и рухнул.

– Где вы торчите, придурки! – крикнул Михаил Федорович в окно своим службам.

По коридору пронесся топот, и пятеро молодцов застыли в проеме двери.

– Мы здесь.

– Здесь? Нас, бля, чуть не порезали, а вы и рылом не ведете! – возмутился Чумной.

– Мы у крыльца ждали, чтобы не мешать, – оправдывался Чуриков.

– Вы же сами среагировали, – виновато добавил майор Турыгин. – Сейчас составим актик о вооруженном нападении, ребята подпишут...

Чумной убрал в карман пистолет и сплюнул:

– Ладно, волоките его отсюда на хер и больше не зевайте.

Московские гости дождались, пока тело мстителя вынесут, и продолжили тему.

– Пора вернуться к проблеме работников. Еще Ленин говаривал: кадры решают все, – напомнил Владимир Савельевич Шаров.

– Вот-вот, – поддержал Барруда.

– А вы чо предлагаете, мужики? – Новый совладелец водочного завода не имел хозяйственного опыта и не был готов решать подобные вопросы.

– Есть одна идейка, – подмигнул Владимир Савельевич.

– Что идейка, был бы в Кремле Шумейко... – срифмовал Барруда.

– Шумейки теперь нет. Придется самим извилинами шевелить. Попробуем раскрутить программу беженцев. Пусть правительство выделит денег из президентского фонда. Поселим семей пятьдесят русских переселенцев из Казахстана. Они работать будут. И дело благородное – родина принимает своих сынов...

Заместитель министра с ходу оценил предложение депутата:

– Вовочка, ты молоток! Подними вопросик в Думе, а я в администрации разовью.

– Попробую. Но процентиков десять чтоб обвалилось. – И заступник обездоленных соотечественников скромно потупился.

Барруда вскочил с директорского кресла:

– Гнида ты, Вовка! Хочешь из нашего общака еще и личный навар слупить. Нет чтобы каждому по три?

– Не будем торговаться, мальчики, – поморщился депутат. – Мне тут осточертело. Воняет дерьмом, перегаром и воблой. Сколько можно это нюхать? Пообедаем где-нибудь в городке, там и поворкуем о нашем, о девичьем.

– На хрена в городке? – обиделся Чумной. – У меня, бля, стол давно накрыт.

Москвичи не возражали. На крыльцо вышли в сопровождении охраны. Пейзаж возле проходной изменился. К «мерседесам» и «уазу» добавилась карета «скорой помощи». Рядом с ней, в присутствии дежурного врача Петухова, стражи порядка во главе с майором Турыгиным составляли акт о несчастном случае, происшедшем с находившимся в нетрезвом состоянии бывшим директором Новомытлинского водочного завода. Тело гражданина Николая Юрьевича Пенякова уже покоилось в санитарной машине. Столичные гости и их местный компаньон спустились с крыльца, дружно помочились в дорожную пыль и расселись по «мерседесам». Осторожно объезжая лужи, лимузины с представителями новой русской элиты медленно поползли в противоположную от райцентра сторону. Михаил Федорович Чумной слышал, что богатые люди в городах не живут, и выстроил себе особняк на природе.

Белгородский уезд. Город Валуйки.

1918 год. Август

Сотня спешивается и ползет к насыпи. Крепкий дух махорки, мужицкого и конского пота смешивается с запахом полыни и терновника. Бойцы укладывают на насыпь винтовки и зати-

хают. На другой стороне железной дороги темнеют складские амбары. Епифанов в бинокль замечает с десяток беляков. Еще штыков шесть за забором. Два офицера тихо переговариваются между собой. Тонкое, породистое лицо молодого корнета вызывает в душе Епифанова жгучую волну ненависти:

– Чистенький, гад! В детстве гувернерка небось кофе в постель носила.

– Там их не меньше взвода, – на глаз, без бинокля определяет пулеметчик Вампилов.

– Похоже, Тарас, – соглашается Епифанов, продолжая изучать врага в окуляры. – Дозор несут, суки. Хоть бы знать, есть у них пулемет или одни трехлинейки?

– Можем проверить, Василий Андреич. Только прикажи, – ухмыляется усатый хохол Терещенко. Веселый балагур, с родинкой на кончике носа, он, как охотничий пес, всегда готов по слову хозяина порвать любого.

– Шкурой проверить? – шипит Епифанов. – Башкой надо думать, дурак. Шкурой пусть скотина думает...

– Как скажешь...

Епифанов ползет вдоль насыпи. Поодаль на путях застрял обгоревший вагон. Командир жестом подзывает бойцов и, когда те подползают, шепчет им:

– Видите вагончик?

– Видим, Василий Андреич...

– Можете тихо затащить на него пулемет?

– А чего не затащить? – соглашается исполнительный Терещенко.

– Тогда за дело. Терещенко с Вампиловым затащат «максима» в вагон. Остальные пихнут его под горку. Там уклон. Как он стоит, хрен его знает... Дальше понятно?

– Так точно, товарищ командир.

– Вперед, орлы. Сделаете, по двести граммов каждому.

– А у вас есть? – сомневается Тарас Вампилов.

– У них на складе есть. Я бочки со спиртом в бинокль видел.

– Ура, – шепотом реагируют бойцы.

Отправив группу красноармейцев к вагону, Епифанов ползком возвращается к сотне.

– Мужики, как только вагон поравняется с тем амбаром, вдарит пулемет. С первой очереди встаем и цепью в атаку.

Бойцы затихают, до боли вглядываясь в чернеющее очертание вагона. Епифанову на щеку садится комар, но он боится шлепнуть по щеке, чтобы не спугнуть тишину. Слышно, как беляки беседуют за насыпью:

– Нет, корнет, вы не правы. Я бы партию выиграл. Карта не шла. Бывает такой день.

– Зато, штабс-капитан, к вам Лидия Александровна пришла. Не везет в картах – везет в любви... – И офицеры весело смеются.

Под их смех вагон медленно трогается. От амбарных заборов его отделяет метров триста. Он понемногу набирает скорость. В бинокль Епифанов видит: беляки вагон заметили, но ни Терещенко, ни пулеметчика рассмотреть не смогли, те сумели затаиться. В ночной тишине постукивание колес обгорелого вагона отдает чертовщиной.

– Приготовились, – шепчет Епифанов и сам вздрагивает от пулеметной очереди: – Пошли, мужики. Ураааа!!!

Через пять минут все кончено. Среди красноармейцев ни одной потери. Даже раненых нет. За складскими заборами Епифанов насчитывает восемнадцать убитых деникенцев. На крыльце одного из амбаров новенький ручной пулемет. Рядом, на ступенях, лежат корнет и его приятель, штабс-капитан.

– Допрыгались, суки! – Епифанов пинает корнета сапогом в красивое породистое лицо и сплевывает.

– Василий Андреич, черт с ним, с беляком. А чарку? Вы обещали, – напоминает хохол. – Я вагончик-то остановил, а то бы эвон куда укатили. Пулемет-то жалко...

– Ребята, ломайте вон те ворота.

Повторять Епифанову не приходится. Ворота сносят вместе со столбами. За высоким забором, на козлах, три дубовые бочки. Епифанов вынимает из кобуры наган, стреляет. Из первой бочки бьет струя прозрачной жидкости.

– Неужто вода? – разочарованно тянет Вампилов.

– Давай кружку, – приказывает командир. И, получив жестяной сосуд в руки, подставляет его под струю. Выпивает и наполняет снова: – Кто хочет попробовать водички?

– Я. – Терещенко наполняет кружку, нюхает содержимое и делает осторожный глоток: – Мужики, спирт!

Через секунду из простреленных бочек бьют десятки фонтанов. К струям тянутся кружки красноармейцев.

– Василий Андреич, товарищ командир, дай я тебя поцалую. – Терещенко, покачиваясь, разглаживает усы и прет на Епифанова.

– Отставить! – орет командир и палит в воздух. Но ни его окрика, ни выстрела никто уже не слышит. Василий Андреевич безнадежно машет рукой и сам подставляет свою кружку под струю...

В штабе о ходе операции с амбарами ничего не знают. После смерти от ранения в голову командира отряда Ивана Самойлова командование взял на себя комиссар Моисей Зелен. Сейчас он ждет известий из городка и страдает жаждой. Днем даже напиться времени нет, лишь к ночи наступает небольшая передышка. Зелен вспоминает о жажде и, отстегнув с ремня фляжку, долго пьет. Острый кадык восемнадцатилетнего комиссара вздрагивает, отсчитывая глотки.

– Ух, теплая... Сейчас бы холодненькой. Той, что у нас в местечке из колодца.

– Отобьем у Деникина Белый город, напьемся, – скалится командир разведки Ванька Крестов, усердно заматывая портянку.

– Напьемся... своей кровушкой напьемся, – вздыхает Зелен: – Что-то же за складами стихли, слышишь? Там же раньше стреляли...

– Слышу. Больше не палят – наша взяла, – покончив с портянкой и с натугой напялив сапог, заключает командир разведвзвода.

– Иди проверь. Только не один. Возьми из свеженьких, хватит им дрыхнуть.

– Это мы мигом, – обещает Крестов и, проверив, хорошо ли заправлен сапог, ныряет в кусты.

– Кузьев, Сокин, Пердяк, Губин, Коваленко – за мной! – доносится из темноты. Это Крестов поднимает красноармейцев в разведку.

Моисей, обхватив коленки, сидит на парусине. Ставить для командного пункта палатку не хватило времени. Да и дождей на Белогородчине не видели третью неделю. Палатку растянули на земле, бросили ящик с документами, навалили мешки денег вперемешку с патронами – и штаб готов. Подводы с провиантом замаскировали в акациях. Огня жечь Зелен опасался. Городок еще не был полностью взят, и деникинцы могли просочиться в лесок группами.

Без света и бумаги комиссар страдает, поскольку не может вести нужных подсчетов. В отличие от многих революционеров, Зелен к хозяйственным вопросам подходит с душой.

В темноте писать нельзя, но думать умному еврею темнота не мешает. Моисей сидит и прикидывает в уме: «Провиант остался, но разве это провиант. Получится пополнить запасы в городке или не получится? Деникинцы при отступлении обычно волокут его с собой. Это же не люди, это белогвардейцы. Не заберут, так изгадят. Вечером я выдал по двести граммов хлеба и по пятьдесят сала. Кашу варили днем. Раз в сутки горячее бойцы получили. На ужин таки обошлись сухомыткой. Оставшегося, если вычесть убитых, на двое суток вполне может

и хватить. Завтра людей надо покормить как положено. Наступление отнимает силы, аобесси-
левший боец, как говорит Крестов, мешок с кашками. И правильно говорит. Фуража оста-
лось по ведру овса на лошадиную голову плюс подножный корм. Кони уже не сдохнут.

– Товарищ комиссар, там, мать-перемать, кошмар! – Иван Крестов выныривает из тем-
ноты с округлившимися от ужаса глазами.

Зелен вскакивает на ноги:

– Чего вылупился? Я тебе командир или поц моржовый?! Донеси по форме.

– Есть по форме. Сотня Епифанова лежит как один, – докладывает разведчик.

– Убитые? – Комиссар бледнеет. Это лучшая сотня из его отряда. На Епифанова Зелен
надеется, как на себя.

– Не убитые, – переходит на шепот Крестов, – пьяные вдрызг.

– Что ты говоришь? Ты сам понимаешь, что говоришь?!

– На складах бочки спирта. Они и напились, – разводит руками Иван.

– А Епифанов что?

– Напился с ними, товарищ комиссар.

– И чего же ты сделал?

– Оставил мужиков их охранять. Не дай Бог, деникинцы – перережут, как кроликов. Но
боюсь, и мои напьются.

– При чем же тут Бог? Ты не знаешь? Товарищ Ленин сказал – Бога нет.

– Да я так, к слову.

– Слова надо же выбирать, товарищ Крестов. Слово – это оружие нашей большевистской
партии. Поднимай бойцов. Идем на склады. На месте разберемся.

Через десять минут семьсот красноармейцев выступают к складам. Разведчик не соврал.
Сотня Епифанова валяется в пыли. Только с десятков из них могут шевелиться. Некоторые
сидят на корточках и мычат.

– Скоты. Не люди, скоты! – бесится Зелен. – Погрузить всех, как падаль, в подводы.
Проспятся, проведу дознание.

Пьяных начинают грузить.

– Где кони? Спрашиваю, кони где? Кони тоже напились?! – Молодой комиссар продол-
жает пребывать в бешенстве. Если бы в красноармейцах Епифанова осталось хоть немного
сознания, он бы расстрелял их на месте. Но убивать мычащую скотину Моисею Зелену не поз-
воляет партийная совесть.

– Кони за насыпью пасутся, – успокаивает комиссара разведчик.

В полночь отряд вступает в центр города Валуйки. Крестов обходит окрестные дома и
устраивает бойцов на постой. Каменный терем попа Зелен забирает под штаб. В поповском
дворе на подводах дрыхнет пьяная сотня Епифанова. Вокруг комиссар выставляет караул из
десяти штыков. Самого Василия Андреевича он распоряжается положить под грушей на лавку.
Утренняя прохлада понемногу отрезвляет бойцов, и они начинают шевелиться. Вампилов
зевает, потягивается, свешивает с подводы ноги и пытается встать.

– Не двигаться! Стрелять буду! – слышит он окрик часового и удивленно таращится в
сторону голоса. Мутный южнорусский рассвет вместе с похмельем туманит глаза.

– Ты чт-т-то, братец, с-с-своих не узнаешь.

Обычно Вампилов не заикается, но лошадиная доза спирта продолжает тормозить речь.

– Не двигайся, пристрелю, – повторяет караульный.

– Ты кто?

– Красноармеец Пердяк.

– Охренел, товарищ Пердяк? – возмущается Вампилов и прыгает на землю.

Гремит выстрел. Пулеметчик удивленно смотрит на обидчика и заваливается навзничь.

Утром восемнадцатилетний комиссар Моисей Зелен во дворе поповского дома перед строем расстреливает из своего нагана командира сотни Василия Андреевича Епифанова. А ночью плачет.

Екатеринбург. 2000 год. Февраль

– Я тебя очень прошу, сначала навести Николая Спиридоновича, а потом делай что хочешь.

Наталья Андреевна, собиравшая грязную посуду, строго посмотрела на дочь. Марина посещала маленькую квартирку престарелого родственника каждый день. А вчера провожала подругу в Москву и пропустила.

– Мама, мне первую пару пропускать нельзя. Запишу лекцию Фролова, а после двенадцати навещу его. Он же все равно целый день дома, и почему ты всегда называешь своего дядю по отчеству?

– Потому что он на много меня старше и очень уважаемый человек... Хорошо. После двенадцати. Не забудь купить ему молока и баранок.

– Знаю, мама...

– Знаешь, и молодец. А сердиться на мать нельзя. Ничего с тобой не случится, если я лишний раз напомню. Николай Спиридонович помог тебя вырастить, а сейчас он совсем один. Старики особенно нуждаются во внимании. Доживешь до его лет, поймешь...

Марина хотела сказать, что до таких лет не доживет, но промолчала, надела пуховку, схватила рюкзачок, заменивший молодежи, по новой моде, портфель, и выбежала из дома. До института десять минут пешком, пока войдешь, поднимешься – еще минуты три. Времени оставалось в обрез.

Выходя по утрам на улицу, девушка видела одни и те же лица. На скамейке томились алкаши, опохмеляя пивом пересохшие за ночь глотки. Молоденькая соседка Галя обреченно катала в коляске малыша. Она родила без мужа и этого стеснялась. Пожилой дядька с первого этажа возился со своим стареньким «Москвичом», который никогда в мороз не заводился. А на углу, возле остановки, Марина неизменно встречала молодого человека, посматривающего на нее с мужским интересом. При встрече с ним Марина краснела, но сегодня так торопилась, что покраснеть забыла.

Спешила Марина напрасно. Профессор Фролов заболел, и лекцию отменили. Она поболтала с сокурсниками, забежала в магазин, купила пакет молока и баранок и отправилась к мамину дяде. Николай Спиридонович жил в доме старых большевиков, на бывшем Вознесенском проспекте бывшего Свердловска. Городу вернули славное имя Екатеринбург, а проспекту оставили интернациональное имя Карла Либкнехта. Престарелых большевиков поселили недалеко от того места, где в восемнадцатом году расстреляли царскую семью. Николай Спиридонович из своего окна наблюдал, как сносили дом Ипатьева.

Марина добралась до места на автобусе. Билет она не брала, потому что экономила. Контролеры случались редко, а билет стоил дорого. Сегодня опять пронесло.

Красный кирпичный дом находился прямо против остановки. Раньше его первые этажи занимала городская библиотека. Но с приходом капитализма на библиотеку у города перестало хватать денег, и помещение арендовал владелец магазина женской одежды. Он привозил наряды из Гонконга, выдавая их за парижские, и каждый месяц обновлял коллекцию. Девушка остановилась, на минуту задумалась и открыла дверь. Обычно она в сторону магазина и не смотрела. Выставленные на витрине платья, плащи и пальто ей очень нравились, но денег на такие вещи у мамы не водилось. Они жили вдвоем на маленькую мамину зарплату и совсем уж крохотную стипендию Марины. Наталья Андреевна не зря испытывала благодарные чувства к брату своего отца. Николай Спиридонович помогал ей деньгами с того дня, как умер папа

Марины. Умер он от лучевой болезни, которую заработал во время испытаний первых атомных зарядов под Челябинском.

– Вам помочь что-нибудь выбрать? – Молодой парень со слащавой улыбкой поспешил Марине навстречу. В дорогой магазин покупатели заглядывали редко, и продавцы томились от безделья.

– Нет, спасибо. Можно, я сама посмотрю?

– Смотри. – Продавец оценивающе оглядел девушку с ног до головы. Слащавая улыбка сменилась миной полного безразличия. Парень, выдавший покупателя насквозь, понял, что в данном случае номер, как говорится,дохлый.

Марина побродила по пустынному залу, потрогала одетые в кожу и меха манекены и, тяжело вздохнув, вышла на улицу. «Есть же счастливицы, которые могут все это купить», – с грустью подумала студентка.

Она обошла дом и свернула в арку: подъезд Вострикова находился во дворе. На детской площадке лихо раскачивались два подростка.

Марина хотела подняться на лифте, но лифт сегодня не работал. Взбежав на третий этаж, полезла в карман за ключом. Ключ деда Коля ей давно вручил, потому что передвигался медленно и не хотел долго томить внучатую племянницу за дверью. Ключ не поворачивался. Марина позвонила, продолжая возиться с ключом; Старик не открывал. Наконец замок щелкнул и провернулся.

– Деда Коля, вы где?

Никто не ответил. Марине стало страшно. Она осторожно открыла дверь в комнату. Старик сидел на ковре, свесив голову на плечо и прислонившись к книжному шкафу. Дверцы шкафа распахнулись, растерзанные томики валялись на полу рядом. Застекленная горка с коллекцией бутылок спиртного, гордостью Николая Спиридоновича, находилась не у стены, как всегда, а была передвинута. Часть бутылок оказалась на полу, некоторые разбились, в комнате пахло водкой. На полу валялись фотографии Ленина и Серго Орджоникидзе, что раньше висели в рамках на стене. Марина подбежала к старику:

– Деда Коля, что с вами?

Николай Спиридонович не пошевелился. Марина потрогала его лоб и в ужасе отдернула руку: лоб был мертвенно ледяным. Девушка схватилась за сердце и заметалась по квартире. Не сразу поняла, что ищет телефон, дрожащим пальцем набрала номер «скорой помощи», заикаясь, назвала адрес. Положила трубку. Подумала и позвонила маме. Никто не ответил. Вспомнила, что сегодня мама работает. Наталья Андреевна дежурила через день. Номер рабочего телефона от волнения забыла. Постаралась успокоиться, стала вспоминать. Вспомнила. Мама долго не подходила. Ее нашли в кабинете начальника.

– Мамочка, деда Коля холодный! – Марина говорила шепотом, и мама ничего не поняла.

– Что значит – холодный? Дядя Коля умер?!

– Не знаю. Лоб как ледышка, сидит на полу и молчит. Я позвонила в «скорую»...

– Никуда не уходи, я сейчас приеду.

Марина стояла с трубкой в руке, из трубки слышались короткие гудки. Девушка не знала, что надо делать. Опомнилась, вернула трубку на рычаг, на цыпочках пошла в кухню и села на табуретку. Находиться в одной комнате с холодным стариком она боялась. На кухне ей было не так страшно.

Николай Спиридонович последние три года жил в однокомнатной квартире. До этого он с женой занимал трехкомнатную на пятом этаже. Овдовев, поменялся с многодетной семьей летчика. Денег старый коммунист с, летчика не взял. Несмотря на приватизацию, он продолжал считать жилье государственной собственностью и доплату за обмен называл спекуляцией.

Девушка не могла оправиться от шока. Мертвых людей она прежде рядом близко не видела. Несколько раз мама брала ее на похороны своих знакомых. Но те, как и положено

покойникам, лежали в гробах, и девушка старалась к ним не приближаться. А теперь она даже потрогала мертвеца... Вспомнив холод прикосновения, Марина вздрогнула, огляделась и только теперь заметила страшный беспорядок и на кухне. Кухонные шкафчики, как и книжный в комнате, были распахнуты. Горы чистой посуды были навалены в мойке и на столе. Часть тарелок разбилась. На полу валялись железные банки с крупами. Крышки раскатились в разные стороны, много крупы просыпалось на линолеум.

Сколько времени прошло, Марина не заметила.

– Есть кто? – услышала она голос в прихожей и выскочила в коридор. Молодой мужчина в белом халате стоял на пороге. Марина сообразила, что дверь на лестницу она так и не заперла.

– Там, – показала она врачу, и тот шагнул в комнату. Она несмело приблизилась и изда- лека наблюдала, как доктор присел на корточки рядом с дед ой.

– Мне тут делать нечего. Соня, вызови труповозку. Следов насилия нет, зато есть замет- ный запах алкоголя. Перебрал дедок... Да и в милицию позвони. Слишком в квартире беспо- рядка много.

Только теперь Марина заметила молоденькую медсестру.

– Где у вас телефон? – спросила та.

Марина указала в угол комнаты. Телефон стоял на тумбочке, возле тахты.

– Кем вам доводится умерший? – Врач уже что-то писал в своих бумагах.

– Я его двоюродная внучка, – ответила Марина.

– Двоюродных внучек не бывает. Бывают внучатые племянницы, – поправил доктор. –

Вы жили с ним?

– Нет, я пришла дедушку навестить.

– Диктуйте ваш адрес, имя и фамилию. – Врач записал, закрыл папку, поднялся.

– Деда Коля умер? – спросила она.

– Он умер еще вчера днем. Вы давно здесь?

– Не знаю. Я сразу, как вошла, позвонила.

Кивнув, врач направился к выходу.

– Дождитесь милиции и ничего не трогайте, – бросил он на ходу и, ущипнув Соню пониже спины, вышел. Медсестра фыркнула и последовала за ним. На пороге она столкнулась с мили- цией. Вошли трое. Один в форме лейтенанта остался в прихожей. Двое в штатских костюмах прошли в комнату.

– Ну что же, умер человек. Бывает... Вы его дочка? – спросил низенький мужчина, скло- нясь над трупом.

– Я его двоюродная внучка.

Затем Марине пришлось снова повторить свой адрес и паспортные данные.

– Как вы вошли? Дверь была заперта?

– Да, у меня есть ключ. Только он плохо открыл. Замок заедал сильно.

– Все-таки открыл, раз вы тут...

Милиционеры обошли квартиру. В кухне остановились.

– Смахивает на разбойное... – оглядывая кухонный погром, высказался низенький в штатском и облизал губы.

– Смахивает, – согласился второй, повыше. – Но старику лет семьдесят пять, мог поме- реть со страху. Если девчонка заявления не напишет, зачем нам эта волокита?

Низенький, вернувшись из кухни, подошел к шкафу:

– Ничего не пропало?

– Не знаю. Может, бутылочки. У деды большая коллекция.

– Хм, и все полные. Жалко, побил. Можно мне эту «Белую головку»? Я ее в ранней юности очень уважал. Большая два восемьдесят семь стоила.

– Возьмите...

– Спасибо. А вещи все на месте?
– Сразу не скажешь.
– А вы посмотрите. – Он обвел пальцем шкафы и письменный стол, снова облизал губы и причмокнул.

Марина часто убиралась у деда и пропажи не обнаружила.

– Как будто, ничего. Но все перевернуто вверх дном.

– Старики любят иногда покопаться в своих вещах. Поскольку следов насильственной смерти врач не обнаружил, можно предположить, что беспорядок создал сам хозяин. Возможно, он не слишком соображал, что делает. Выпил дедушка...

– Деда Коля никогда не пил! – возмутилась внучатая племянница.

– Раньше не пил, а тут не удержался. Перед смертью старики часто чудят. Распишитесь вот здесь.

Марина расписалась. Она хотела возразить, что еще день назад старик находился в здравом уме и даже шутил. Но милиционер морщил лоб, перечитывая протокол, и она постеснялась. В прихожей раздался топот. Два крепких парня в клеенчатых фартуках по-хозяйски прошли в комнату, привычными отработанными движениями уложили труп на носилки. Развернулись и вышли. За ними проследовала милиция. Девушка осталась одна в пустой разгромленной квартире. Наталья Андреевна приехала через час.

– Почему так долго? – Марина бросилась к маме и прижалась к ней.

– Автобусы не ходили, знаешь же, где я работаю...

– Деду Колю уже увезли.

– Господи, что тут творится. Тащи из ванной ведро, надо быстро все прибрать. Ой, как же мы теперь без него будем... – Мама достала платок и вытерла набежавшую слезу.

США. Калифорния – Нью-Джерси.

2000 год. Февраль

«Бам!» – Мяч на миг замирает в упругой паутине ракетки и возвращается назад, едва не коснувшись сетки. И снова – «бам!». Этот звенящий отскок знает любой теннисист. Только у умелых спортсменов так звучит выстрел ракетки в противника. Весь корпус разворачивается, лишь ноги, присогнутые в коленках, неподвижны, и – «бам» в левый угол корта, «бам» – в правый. В левый, в правый, в левый, в правый... И опять в правый. Противник дернулся, но не достал. Его корпус, по привычке, потянуло влево...

В Калифорнии стоял теплый солнечный день. На кортах университетского городка пахло газонной травой, молодыми крепкими телами и синтетикой покрытий. На трибунах расселась молодежь. Одни жевали сладковатую резину, другие потягивали через пластиковую солому спрайт и пепси. Третьи ничего не пили и не жевали, а развалившись на скамейках, млели под солнышком, задрав ноги кверху. Но все внимательно следили за игрой. Шел финал университетского чемпионата.

Алекс вытер полотенцем вспотевшую грудь, поменял ракетку и не спеша побрел по корту. Небрежная поступь спортсмена маскировала внутреннее напряжение перед битвой. Ему предстояло сыграть гейм на своей подаче, что давало шанс закрепить успех.

– Мистер Алекс, извините, пожалуйста, но вам срочная телеграмма.

– Мне? – Студент калифорнийского университета не привык, чтобы к нему столь солидно обращались.

– Да, вам, мистер Слободски.

– Нельзя ли после сета. – Алекс смотрел на полненького румяного господина, вспоминая, где видел его раньше. И вспомнил. Перед ним стоял местный представитель дедушкиного концерна, в офисе которого студент получал родительскую стипендию.

– Это очень важно, мистер Слободски. Вы понимаете?

Как не понять. Телеграмма сама по себе значила нечто необычное. У молодого человека имелся мобильный телефон, а в общежитии стоял компьютер. Ему или звонили, или передавали сообщения по электронной почте. А тут телеграмма... Алекс взял бланк: «Мой мальчик, перевожу весь свой капитал на твое имя. К тебе переходят наши заводы, пакет акций компании и сеть магазинов. Срочно вылетай в Форт-Ли». Телеграмму подписал дед.

Пауза на корте затянулась. Обеспокоенный заминкой, к Алексу подбежал его приятель и секундант Майкл Левин:

– Что случилось, парень?

Алекс протянул другу телеграмму.

– Ничего особенного. Просто я, кажется, стал миллионером. – В голосе сокурсника ни радости, ни волнения Майкл не заметил. Он пробежал глазами текст и растерянно спросил:

– Ты остановишь матч?

– Не беспокойся, старина, гейм на своей подаче я не отдам, – ответил спортсмен и занял место на площадке.

Гейм Алекс выиграл, а с ним и игру. Весть о том, что на корте орудует вновь испеченный миллионер, быстро пронеслась по трибунам. Зрители состояли из студентов, и все здесь друг друга знали. Победный кросс Алекса болельщики встретили овацией. Героя обступили.

– С тебя вечеринка, – потребовал розовощекий конопатый толстяк Дэвид.

– Подари миллиончик команде «Черных козлов», – крикнул темнокожий атлет Гобби Свинг.

– И купи, наконец, слона для университетского зоопарка, – добавила очкастая малышка Роза.

– Будет, ребята, все будет... Только сначала смотаюсь домой. Обидеть дедушку я не могу.

Быстро смыв в душевой победный пот, чемпион переоделся, схватил сумку с набором ракеток и побежал к машине. Открытый «Мустанг» рванул со стоянки и, вылетев на трассу, помчался к аэропорту. Вечером парень уже входил в сад дедушкиного особняка в Форт-Ли.

Дверь молодому хозяину открыл Семен Григорьевич. По покрасневшим глазам работника и непривычной тишине в доме Алекс понял – случилась беда.

– Старый дурень перенес удар. Старайся его не волновать. Он в сознании, но очень слаб, – предупредил слуга. Алекс отдал ему сумку и побежал на второй этаж.

Иван Алексеевич сидел на огромной постели, обложенный подушками. Казалось, что мощный седой богатырь задумался или задремал. На его загорелом лице с крупным носом и усами запорожца болезнь никак не отразилась. Если бы не группа медиков со своими приборами, трубками и проводами, Алекс мог подумать, что дед его разыграл. Старший из Слободски умел пошутить и, случалось, делал это зло.

Внук остановился в трех шагах от постели. Пока раздумывал, как обратить на себя внимание, больной открыл глаза.

– Малыш, как я рад тебя видеть! – Говорил дед громко, может быть, чуть медленнее, чем всегда.

– Дедушка, ты зачем это?.. – Алекс бросился к старику и обнял его.

Прижав внука к сердцу, Иван Алексеевич замер на мгновение, затем оглядел медиков:

– Господа, а не пошли бы вы отсюда... Заработать на мне еще успеете. – Спальня мгновенно опустела. – Ты что-то спросил, малыш? Ах, да, ты спросил, зачем я собрался на тот свет. Правильно я тебя понял?

– Ты всегда все правильно понимаешь, дед. Куда тебе спешить?

– Это вопрос к Богу, малыш. Я, правда, немного ослабел. Что делать, Сашенька, белая эмиграция вымирает. Поэтому поговорим по делу. А сантименты оставим на десерт. О'кей?

– Я получил телеграмму, дедушка. Спасибо, но мне вовсе не хочется становиться скучным финансовым воротилой, да еще управлять такой огромной компанией. Почему ты обошел отца? Папа мечтает о кабинете босса.

– Помолчи, малыш. Твой отец дурак, а эта болезнь не лечится. Он изображает янки и живет, как кретин.

– А как он живет, дедушка? Я никогда не думал о папочке под этим углом.

– Два раза в неделю гольф, ежедневно – в клуб на five-o'clock с беседой на тему налогов, подсчет числа калорий за завтраком, обедом и ужином, скромная благотворительность и раз в месяц посещение русской церкви. Меня от одной мысли о такой жизни тянет блевать.

– Меня тоже... – Алекс рассмеялся. – Но, согласись, твой кабинет прекрасно впишется в этот круг.

– Малыш, дуракам нельзя давать власть. Если Дмитрий загубит компанию, вы с матерью останетесь нищими. Да и ради него самого ты обязан взять штурвал в свои руки.

– Дедушка, жизнь так прекрасна. Мне двадцать три. Представь, вокруг прелестные девчонки, спорт, мой факультет. Я так люблю историю. А ты хочешь, чтобы я напялил пиджак с галстуком и сел в стеклянный гроб? Пожалей внука.

– Работать, малыш, это вовсе не значит отказаться от жизни. Знаешь, сколько я перетрахал девок без отрыва от бизнеса? Теперь, когда бабки нет, я могу тебе сказать. У меня были красотишки с любой точки земного шара. Японки, негритянки, таитянки... Пожалуй, только дикарок с Амазонки остерегался. Боялся, откусят член.

– Дедушка, я не хочу тусоваться с девками по параллелям и меридианам. Я хочу трахаться с одной, которая мне нравится. Жизнь – это свобода, а ты предлагаешь мне тюрьму.

– Малыш, ты талантливый бездельник. Если напряжешь хоть половину своих извилин, сможешь приходить в кабинет два раза в неделю. Мозги не требуют жопы. Оставь жопу бездельям. А что касается истории – прекрасно. Совмещай.

– Как, дедушка? Алкогольный бизнес и пыль веков?! Ты смеешься?

– Вовсе нет. Что тебя интересует в прошлом?

– Я бы хотел заниматься Древним Египтом...

– На хрена тебе Египет? Им тысячи недоумков уже занимаются. А почему бы не копнуть историю русской водки? Мы же русаки. Представляешь, какая тема! – Иван Алексеевич устал и откинул голову на подушку.

– Хорошо, дедушка, я подумаю. – Алекс испугался за старика и решил больше не утомлять его спором.

– погоди, я сейчас отдышусь. – Старый богатырь минуту отдыхал, затем приподнялся и потрепал Алекса по голове. – Сашка, малыш, ты слышал предание нашей семьи – последний из Слободских вернется на родину. Ты последний.

– Гонишь меня в Россию? Там медведи по улицам бродят. Чего там делать?

– С медведями ты погорячился. Но я тебя никуда не гоню, только один мой наказ ты должен выполнить. Тяни сюда ухо.

Алекс наклонился, и Иван Алексеевич долго, с остановками для отдыха, шептал ему свою просьбу:

– Понял? А ты говоришь – история?! Вот где история.

– Ты уверен? – Алекс смотрел на деда с искренним изумлением.

– Уверен?! Я говорил с этим человеком. А он держал ее в руках. Потом его в Москве чекисты арестовали. Но родня у него осталась. Я всю жизнь мечтал получить ее. Мне не удалось из-за политики. Теперь железного занавеса нет, ты обязан попробовать. Все бумаги по данному вопросу в моем личном сейфе, в папке «Саша». Где ключи от сейфа, ты знаешь...

– Хорошо, дед. Но рыться в твоих вещах мне неловко.

– Это мой приказ.

– Ладно, я постараюсь.

– Вот это разговор не юноши, а мужа. И учти, после моей смерти дом, кабинет и сейф также перейдут к тебе. А теперь катись. Я устал. Да, еще минуту. Я хочу, чтобы меня похоронили на Свято-Владимирском кладбище.

– Зачем ты опять о смерти, дедушка?

– Потому что после нее я уже ничего не скажу... – Иван Алексеевич уронил голову на подушку и усталым взмахом руки отпустил внука.

Москва. Лубянка. Наркоминдел.

1930 год. Март

Ладная гимнастерка, кожаный офицерский планшет, в сапоги можно смотреться, как в зеркало. Комиссар Западного военного округа Моисей Зелен входит в приемную наркома иностранных дел и приятно поражается солидной тишине, нарушаемой лишь стрекотаньем пишущей машинки. С тех пор прошло почти тринадцать лет, но Моисей помнит первый островок внешней политики Советов в революционном Питере. Наркомат иностранных дел тогда находился в здании Генерального штаба, и его приемная напоминала вокзал, где толпились самые разнообразные персонажи. От интеллигентов с бородкой клинышком, наряженных в тройки, до матросни в кожанках поверх тельняшек. Народ заходил, выходил, типы сменялись, как картинки в калейдоскопе. Молодой комиссар привык к многолюдью, но в армейском передвижении масс имела логика, а там, в наркоминделе, ему все вспоминалось как бессмысленная суета.

Здесь же, в приемной наркома, – всего несколько мужчин в костюмах от «Большевички» и один лысый толстяк в приличном твидовом пиджаке. Мужчины окаменело молчат, намертво прихватив пятерней колени. И лишь толстяк ухмыляется, читая что-то смешное.

Моисей подходит к секретарше и протягивает листок. Барышня с короткой волнистой прической, перебиравшая быстрыми пальчиками клавиатуру пишущей машинки, вскидывает на посетителя синь бездонного взгляда и улыбается:

– Товарищ Зелен, нарком вас примет, но немного подождать придется. Сейчас товарищ Литвинов проводит беседу с делегацией немецких товарищей. За ними господин Паккунен, а потом вы. – И снова углубляется в работу.

– У фас сплошные тофарищи, – добродушно замечает лысый толстяк, откладывая смешной журнал. По мягкому, но заметному акценту Зелен догадывается, что весельчак – иностранец.

– А вы сами откуда, товарищ?

– Мою фамилию только что упомянула эта прекрасная тefушка... – веселится Паккунен. – Я из Хельсинки. Теперь я не тофарищ, я теперь коспотин...

– На это я вам знаете, что скажу... Если бы таки не товарищи, не быть вам господином, – урезонивает иностранца комиссар.

– Я с фами апсолютно сокласен. Мы очень уфашаем Флатимира Ульянофа-Ленина. Таже стафим ему памятники. – Он хотел еще что-то добавить, но делегация немецких товарищей уже вышла из кабинета, и толстяк заспешил к наркому. Моисей усаживается на его место и смотрит на дверь.

– А меня зовут Клавой, – не отрываясь от пишущей машинки, представляется синеглазая хранительница приемной.

Комиссар вскакивает.

– А я – Моисей Зелен.

Девушка протягивает ему правую ручку, пальчики левой продолжают перебирать клавиши.

– В нашем клубе сегодня вечер, посвященный годовщине создания Третьего Интернационала. Приходите.

– Я так думаю, что этот вечер для работников наркомата. Я же лицо постороннее... – смущается комиссар.

– Вы – постороннее? Мы не коллеги?

– С чего вы взяли, товарищ... – удивляется Зелен, но ответа получить не успевает: кабинет наркома освободился.

– Ни пуха, – бросает девушка и второй раз удостаивает посетителя ласковой ободряющей синью.

Зелен открывает дверь и замирает на пороге. В глубине министерского кабинета за огромным письменным столом вместо Максима Максимовича Литвинова сидит Меер Генох Мошевич Баллах.

– Божешь мой, что ты тут делаешь, Генох?

– Работаю наркомом, Моня.

– Ты и есть Литвинов? – Зелен с открытым от удивления ртом во все глаза рассматривает хозяина кабинета.

Нарком поднимается с кресла и идет навстречу старому знакомцу:

– Моня, сначала закрой рот, а потом дверь.

Комиссар наконец приходит в себя, прикрывает дверь и шагает навстречу Литвинову. Революционеры дружески обнимаются. Нарком ведет Зелена к столу, усаживает в кресло, сам садится напротив.

– Чай? Кофе? – предлагает он. – Водки на службе не держу...

– Если можно, то чай, а если совсем можно, то с тремя кусками сахара.

– Можно и четыре, – усмехается Литвинов и нажимает на кнопку. Дверь в кабинет приоткрывается. На пороге Клава.

– Клабочка, принеси товарищу Зелену стакан чая с лимоном и сахарницу. Наш комиссар сладкоежка.

– С лимоном, это уже слишком... – краснеет Зелен.

– Отработаешь, – многозначительно бросает Литвинов.

Зелен не обращает на это внимания. Он до сих пор не может опомниться:

– А я думал, ты по-прежнему в Лондоне.

– Меня там в кутузку посадили.

– Сбежал?

– Нет, на Локкарта поменяли.

– Что-то припоминаю. Все равно странно...

– Что тебе странно, Зелен?

– Кажется, я своими ушами слышал, ты женился на англичанке?

– У тебя хороший слух, Моня. Я до сих пор на ней и женат.

– Так ты привез жену в Москву? И как ей тут?

– Лучше, чем там.

– Ну, я понимаю, она жена наркома...

– Для Лоу это небольшой подарок. Жена меня по существу не видит, – не без грусти признается Литвинов.

– Бедная женщина, так сидит и ждет мужа...

– Не ждет. Пишет для западной прессы нужные нам статьи. Она у меня журналист.

Клава, брызнув синими глазами в Зелена, ставит на столик поднос:

– Пожалуйста, Максим Максимович.

Литвинов благодарит Клаву и, подмигнув Моисею, дожидается, пока девушка выйдет.

– Заметил, как на тебя моя Клабочка посмотрела? Жаль, что ты женат... Какая девчонка!

– И биография моя, я вижу, наркому известна. Может быть, товарищ Литвинов сообщит, зачем я понадобился его ведомству.

– Клади сахар и пей чай. А я изложу свое предложение. Хочу взять тебя на работу.

– Боюсь, что в тонком деле дипломатии от меня столько же проку, как от козла молока.

– Не уверен. – Максим Максимович переходит за свой письменный стол и открывает блокнот. – Это отчет члена Реввоенсовета Михаила Тухачевского. Слушай: «В трудных условиях повального голода комиссар Зелен проявил недюжинные организаторские способности и сумел договориться с польскими властями о поставках фуража, хлеба и картофеля для Западного фронта Красной армии». – Литвинов откладывает блокнот и ехидно улыбается: – Разве это не дипломатия?

– Генох, красноармейцев же надо кормить. Для этого я, как любой сообразительный еврей, могу договориться хоть с чертом, – возражает Зелен.

– Вот и прекрасно. И я, как сообразительный еврей, с этим господином тоже имел честь не раз договариваться. Ты, чтобы накормить армию, я – страну. Но я тебе предлагаю более опасный и трудный участок работы наркомата.

– Что ты имеешь в виду, товарищ нарком? – Моисей в курсе, что в наших дипломатов иногда стреляют, но по привычке продолжает считать деятельность белых воротничков сугубо мирным делом.

Литвинов встает и, обогнув свой огромный письменный стол, вновь садиться напротив Зелена.

– Я имею в виду курьерскую дипломатическую почту, Моня. Иногда нам приходится страховаться и доставлять секретные документы прямо в руки наших послов. Это очень опасная работа, и мне нужен близкий человек, которому я бы доверял, как себе.

– Я готов. Но нет опыта. Помнишь, старые евреи говорили: «Если ты всю жизнь жил с козой, откуда тебе знать, что делать с женщиной». А я всю жизнь так воевал.

– И еще повоюешь. А как – тебя научат. – И нарком смотрит на часы: – Ты допил свой чай?

– Да, спасибо. Чай, клянусь мамой, был хорош. Кстати, я больше не женат, а твоя Клавочка пригласила меня на вечер, посвященный Коминтерну.

– Как не женат?

– Лидия Петровна не перенесла долгих командировочных разлук и нашла себе приличного мужчину. Я ее отпустил. Не жить же с женщиной насильно?

– Не доработали товарищи чекисты данный вопросик, – щурится нарком и обнимает старого знакомого. – Ладно, замнем. Клаву я тебе прощу. А вот если станешь называть меня при людях Генохом, напишу донос в НКВД.

– Так точно, Максим Максимович... Я же все понимаю.

В приемной Зелен целует ручку Клаве:

– Кажется, мы теперь и впрямь коллеги. До вечера, товарищ секретарь наркома.

Екатеринбург. 2000 год. Февраль

– Да, мои юные друзья, фигура Столыпина под углом нового, не искаженного идеологическими догмами взгляда видится в истории дореволюционной России совсем по-иному...

Профессор Фролов выздоровел, и Марина, как всегда внимательно, слушает его чуть хриловатый, манерный голос. Фролов немного картавит и по-барски растягивает слова. Лекции Антона Михайловича Марину увлекали, и она их старалась не пропускать. Но сегодня сосредоточиться не удавалось. В голову девушке приходили совсем другие, посторонние от лекции мысли.

После смерти деды Коли она продолжала жить своей обычной жизнью, но в ее душе образовалась странная пустота. Нельзя сказать, чтобы «двоюродная внучка» летала на кры-

льях восторга при уборках квартиры Николая Спиридоновича или выслушивая его длинные рассказы про становление ликероводочной отрасли в СССР. Она уважала мамино дядю, но особой радости от общения с престарелым родственником не испытывала. Хотелось поскорее выполнить необходимые по дому работы и, не задерживаясь, удалиться.

Деда Коля помогал маме деньгами, делал Марине подарки, и девушка понимала: надо быть благодарной. А вот после похорон ей стало старика по-человечески не хватать. Ее мало баловали в детстве. Платица она донашивала за отпрысками маминых подруг, сладости получала в редкие дни праздников, а дорогих кукол не имела вовсе. Деда Коля кукол не дарил. Он покупал ей то, что считал нужным для здорового роста ребенка – лыжи, коньки, портфели. Марине хотелось кукол, и она дулась, считая, что дед жадничает. Став взрослой, поняла: коньки и лыжи стоили гораздо дороже.

– Теперь, господа, вернемся к предшественнику эссеровщины – народовольческому движению и его методам борьбы с царизмом. Если в советской литературе мы видим в целом положительную оценку «героических подвигов» этих, с позволения сказать, народных мстителей, то сегодня мы называем их обыкновенными террористами. Озлобленные недоучки девятнадцатого века, как и фанатичные дикари наших дней, гордились взрывами и убийствами...

Марина пыталась вникнуть в слова профессора, но удержать внимание на лекции так и не смогла. Девушка думала о Николае Спиридоновиче. На кладбище, стоя с мамой у гроба, она, как и сейчас, не слушала прощальных речей. Проводить усопшего явились представители общества ветеранов в количестве двух старичков и одной старушки. Вся троица, обрядившись в военную форму, звенела орденами и медалями. От заученных высокопарных фраз старцев, к которым Марина привыкнуть не успела – слишком мало жила при Советах, ей стало скучно и немного стыдно. Почему Героя Труда, лауреата Государственной премии, Почетного гражданина Свердловска, отдавшего жизнь высоким, хоть и непонятным ей идеалам, кроме этой троицы никто не вспомнил?

Представители ветеранской организации при жизни Николая Спиридоновича не знали. Они пришли исполнить общественный долг. Марина смотрела на сверкающие позолотой и серебром кружки металла на лацканах старых людей и подмечала вовсе не относящиеся к пафосным речам мелочи. Она видела, что им трудно долго стоять, отметила краем глаза, как старушка незаметно облокотилась рукой на тележку с гробом усопшего, а дедушка-ветеран положил под язык таблетку. У деды Коли из близких людей, кроме них с мамой, в живых остался один Алексей Петрович Дерябин, свояк. Но он уже второй год не вставал с постели и на похороны приехать не смог. Так они и проводили мамино дядю впятером. Еще во время ритуала рядом крутились два незнакомых парня в дубленках. Марина хотела спросить, что им надо, но незнакомцы быстро ушли.

С кладбища той же компанией поехали на поминки. В осиротевшей квартире в доме старых большевиков Наталья Андреевна накрыла скромный стол. Один старичок после рюмки водки покраснел лицом, и дело чуть не дошло до вызова «скорой». Но мама нашла валидол в шкафчике дяди, и, слава Богу, обошлось.

– Сегунцова, ты чего, уснула? – Подружка и сокурсница Сима толкнула Марину локтем.

– Не уснула, задумалась.

– Девушка, лекция закончилась...

Марина посмотрела на кафедру. Профессор складывал листки с конспектами в портфель.

– Спасибо, мои юные друзья, за внимание. Надеюсь, кое-что из сказанного застрянет в ваших молодых головках. – И Фролов пружинистым шагом спортсмена вышел из аудитории.

Марина прикинула: Антон Михайлович не намного моложе Вострикова, но этот семидесятилетний здоровяк вовсе не походил на старика. За три года, что она проучилась в вузе, Фролов заболел только один раз и то на три дня.

В первый день болезни профессора она и нашла деда Колю мертвым.

– Сегунцова, пойдем в кафе-мороженое. У меня папа из экспедиции вернулся, столик на радостях выдал. – Веселая хохотушка Сима Морозова помахала сотенной купюрой перед носом подруги.

– Симка, что-то настроения нет, – попыталась отказаться Марина.

– Нету, так появится. Пойдем посидим, можем, познакомимся с кем... Ты же с Вадькой поссорила.

– Вот еще, буду я на улице знакомиться!

– Почему на улице? Я же сказала – в кафе, – с деланной наивностью удивилась Сима.

– Это одно и то же.

– Знаешь, Маринка, у нас балов с кринолинами не бывает. Где же с мальчиками знакомиться? Ты что, в старых девах желаешь остаться?

– Ничего я не желаю. Но на улице знакомиться стыдно. – Марина вспомнила парня, который каждое утро пилился на нее возле автобусной остановки, и покраснела.

– Ой, засмушалась, дурочка, – запрыгала вокруг подруги Сима. – Знакомиться не хочешь, просто мороженое слопаем и музыку послушаем. Деньги у меня не каждый день.

Марина согласилась, у нее тоже было немного денег, и она могла составить компанию подруге. Мама сегодня дежурила на работе, а сидеть одной дома радости мало. Они вышли на улицу и двинули к центру. Утром, когда Марина направлялась в институт, шел мокрый снег. Сейчас небо стало голубым, и солнышко весело искрило заснеженные ветки деревьев.

– Давай сперва немного погуляем, погода больно хорошая, – предложила она Симе.

– Охота тебе по нашему Йобургу таскаться, – скривилась подруга. – Куда идти-то?

– Пошли на Плотинку, а когда замерзнем, в кафе зайдем.

Студентки на автобусе добрались до центра, прошлись пешком по Историческому скверу и по дороге на Плотинку остановились посмотреть, как старушки кормят голубей.

– Такие девочки и без кавалеров, – услышала Марина и, оглянувшись, увидела двух парней в одинаковых дублених тулупчиках.

– А вам какое дело? – задрала курносый носик Сима.

– Гуляем вот, с другом... Я и говорю Толику, давай спросим девочек, может, вместе время уьем. На башню их пригласим...

– Гуляли – гуляйте дальше, – зло бросила Марина. – Нам и вдвоем неплохо.

– Пожалуйста, вы будете гулять сами по себе, и мы тоже, только поблизости. Приятно на красивых девушек посмотреть, – улыбнулся Толик. – Кстати, моего друга Витей зовут...

Марина взяла Симу за руку и быстро повела прочь. Студентки свернули на Пушкинскую и юркнули в кафе.

– Вот нахалы! – Сима звонко рассмеялась.

В помещении не было жарко. Подруги, не раздеваясь, уселись за столик и принялись читать меню.

– Можно и мы с вами? Платим за всех. – Настырные кавалеры стояли рядом, но уже без дубленок.

– Мы привыкли сами за себя платить, – раздраженно отказалась Марина.

– Но посидеть-то с вами разрешите? – И, не дожидаясь согласия, парни устроились рядом.

– Кафе пустое, а нам по-девичьи поболтать охота, – сдипломатничала Сима. Ей молодые люди вовсе не мешали.

– У вас еще будет время посплетничать, – поняв, что лед тронулся, оскалился Толик.

– Мы свои имена вам сказали, а вы молчите. Это нечестно, – развивал успех приятеля Виктор.

– А нам все равно, честно или нет. Мы на улице с парнями не знакомимся, – продолжала сердиться Марина.

– Можете молчать, мы сами угадаем. – Толик подмигнул другу. – Вот эту, сердитую, наверняка зовут Мариной.

Девушка исподлобья внимательно посмотрела на одного, потом на другого. Да, этих парней она один раз уже видела. Они и не думают гадать, они знают ее имя. Марина резко поднялась:

– Ты, Сима, как хочешь, а я пошла. – И, не оглядываясь, направилась к выходу. Сима поспешила за подругой, догнала ее на улице.

– Ты не права, Сегунцова... Мальчишки симпатичные, ничего хамского себе не позволили...

– Они меня знают. Я когда деду Колю хоронила, эти парни на кладбище болтались. Я их видеть не хочу.

– Может, путаешь?

– Ничего не путаю. Я еще на похоронах хотела спросить, что им надо. Бежим, вон наш автобус.

Девушки припустили к остановке. Забравшись в салон, Марина посмотрела в заднее стекло. Парни вышли из кафе и уселись в стоящую у тротуара машину.

– Смотри, – толкнула она подругу, – они в иномарку садятся.

– Где?

– У кафе.

– Не вижу.

– Они уже сели. Вон в ту черную машину, что едет за нами.

Машину Сима заметила. Черная ино. марка некоторое время катила сзади, потом резко прибавила скорость, обогнала автобус и исчезла.

– Ты думаешь, они какие-нибудь бандиты? – испуганно шепнула Сима.

– Не знаю. Но хорошо бы мне их больше никогда не видеть.

Сима жила ближе к центру и сошла раньше. Подружка предложила Марине проводить ее до дома, но та отказалась. От остановки Марина шла очень быстро и по сторонам не смотрела. Но ей почудилось, что напротив ее дома стоит знакомая черная иномарка. Девушка поспешила в подъезд, бегом поднялась по лестнице и, заскочив в квартиру, заперла за собой дверь на два замка.

Москва. Дом на Набережной. 1931 год.

Декабрь

Спать, спать, спать – стучат колеса. Конверт, печати, оружие, сотрудники прикрытия. Спать, спать, спать – организм требует сна. Нервы напряжены, спать нельзя. В последнем купе два подозрительных типа. Спать, спать, спать...

– Не будет ли пан любезен предъявить паспорт и багаж.

– Паспорт – пожалуйста, а багаж вам смотреть не положено. Дипломатическая почта.

Граница – паспортный контроль, таможня. Нейтральная полоса. Остановка, другая граница, опять паспортный контроль, таможня... И снова спать, спать, спать. Организм требует сна всеми своими клетками. К черту организм. Через купе направо странные туристы. Они уже три раза проходили мимо, останавливались и явно прислушивались, что творится в купе дипкурьера. Кажется, в Польше сошли... Опять граница. На этот раз последняя.

«Добро пожаловать на родину, товарищ Зелен». Теперь можно уснуть. Но глаза открыты. Продолжает работать рефлекс: конверт, печати, оружие, сотрудники прикрытия.

Моисей Зелен вышел из вагона. За ним тенью трое. Они пройдут с ним к машине, все время будут рядом. Поезд Берлин – Москва прибывал ночью, и привычной суеты на перроне не наблюдалось. Лишь носильщики, опасаясь упустить клиентов, спешат подкатить свои тележки. Но у пассажира в руке неизменный командирский планшет, с которым Зелен так и не рас-

стался, и он в услугах носильщиков не нуждается. Моисей выходит на Белорусскую площадь. С облегчением вдыхает морозный московский воздух. Еще одна поездка личного дикпурьера наркома позади. Несколько дней покоя. Спать, спать, спать...

После и по ночам залитого светом Берлина Москва кажется темной и мрачной провинцией. И лишь огромный портрет Иосифа Сталина на вокзальной стене, как бы призывая всех и вся любить и почитать вождя народов, освещает мощный прожектор.

– С приездом, Моисей Семенович. – Водитель наркомата Вилен Грунин пожимает Зелену руку и распахивает дверцу черной «эмки». Зелен молча усаживается на переднее сиденье. Трое его сотрудников устраиваются сзади.

За окном темный пустынный город. Вокруг редких фонарей белая муть. В Москве идет снег. До боли хочется спать, но сначала положено сдать почту. Водитель крепко сжимает руль. За ночь городские службы не успели расчистить мостовые, и машину то и дело заносит в сторону. Улица Горького, гостиница «Москва», Лубянская площадь... Как хочется спать, будет ли конец этой бесконечной дороге... У подъезда наркомата часовой:

– С приездом, Моисей Семенович.

Зелен проходит внутрь, раскрывает свой кожаный планшет, отдает дежурному сотруднику пакет, запечатанный проштампованным сургучом. Вынимает из кармана браунинг. Оба расписываются в тетради. Теперь можно домой. Снова пустынный темный город. Снег валит стенами. Стекла запотели, «дворники» не справляются с тяжелой снежной кашей. Лубянский пассаж, Охотный ряд, манеж, Боровицкая башня Кремля, Большой Каменный мост. И наконец новый жилой комплекс на набережной. Литвинов помог получить квартиру в доме наркоматов. Максим Максимович жил двумя этажами выше, и они могли перекинуться парой слов вне службы. Водитель распахивает перед Зеленом дверцу и желает спокойной ночи. Старый татарин Ахмет уже на посту, скоблит тротуар:

– С приездом, Мосей Семеныч.

Троица сопровождения доводит дикпурьера до парадного. Зелен каждому пожимает руки. Говорить слов не надо. Они все понимают и так. В вестибюль он заходит один. И здесь дежурит красноармеец. Часовой всех жильцов подъезда знает в лицо и тянет руку к козырьку:

– С приездом, Моисей Семенович.

Зелен кивает, стряхивает с шубы и шапки снег, идет в лифт. Огромный холл лестничной площадки. Дом еще новый, пахнет краской. Палец на звонке. Тишина, быстрые босые шаги. Клава стаскивает с него мокрую шубу, обнимает. В синеве заплаканных глаз неожиданная радость.

– Миленький, как я волновалась...

– Дурочка, я же Вечный жид. А значит – бессмертен.

Моисей стискивает знакомое, родное тело. Клава в ночной рубашке. Он чувствует ее грудь, округлившийся животик. Они в спальне. Клава раздевает мужа, прижимается к небристой колючей щеке, тянет в постель. Постель еще хранит тепло ее тела.

– А ему не вредно? – спрашивает Моисей, указывая на округлость супруги.

– Пока еще можно, – призывно шепчет Клава.

Какие у нее синие-синие глаза, какие упругие манящие бедра! Зелен забывает, что еще несколько минут назад умирал от желания спать. Теперь он задыхается от другого желания. Желания взять ее всю. С этой бездонной синью глаз, с налившейся от предстоящего материнства, влажной грудью, с округлым нежным животиком. Но супруг осторожен, Клава уже не одна, и он, сдерживая страсть, берет ее нежно, чтобы не навредить будущему наследнику. У них будет мальчик. Зелен не возражал бы и против дочери, но знает, Клава родит сына...

– Моня, уже три часа дня. – Открыв глаза, Зелен видит солнечный свет в окнах. Клава в шубке и берете, с сумкой в руках. – Вставай скорее, у нас там кончается обеденный перерыв. Я

хоть и отпросилась, но ненадолго. Сейчас покормлю тебя. Вставай. – Жена ерошит ему волосы и бежит в прихожую раздеваться.

– Клавочка, я не хочу есть. Я хочу спать. А где Зина?

– Отпустила на три дня в деревню, у нее отец заболел. Ты поешь и опять ляжешь. Я побегу на службу, а ты спи хоть до вечера. Тебе от Максима Максимовича привет, – кричит Клава уже из кухни.

Моисей с трудом хлебает куриную лапшу. Есть ему совсем не хочется, но и обидеть жену тоже.

– Не вкусно? – В синеве ее глаз тревога.

– Клавочка, какой еврей не любит куриной лапши? О твоей курочке я мечтал все эти дни... Просто я сонный.

Жена сидит напротив и, подперев кулачком щеку, по-матерински наблюдает за каждым его движением. Ей очень хочется расспросить мужа о поездке. Но у него секретная работа. Клава знает страшную тайну – их дом построен с двойными стенами. Между стен пустоты, а в них слухачи НКВД. Она смотрит на мужа и молчит. Господи, как он исхудал! Щеки совсем провалились, и щетинка с сединой. Бедный мальчик, ему еще и тридцати пяти нет...

Шубка, беретик, сумочка, поцелуй на прощанье, щелчок замка. Зелен остается один, возвращается в спальню, садится на постель, ложится, закрывает глаза. Сон не приходит. Приходит Берлин. Картины последней командировки. В Германии набирает силу нацизм, новое блюдо двадцатого века. Никому не известный ефрейтор превращается в политического монстра. И многие немцы его ждут, как Спасителя. Неужели дикарство в современном мире еще возможно? Зелен мальчиком пережил кошмар еврейских погромов. Его отца искалечили разъяренные мракобесы. Может быть, от стремления отомстить и пошел в революцию шестнадцатилетний юноша? С чего бы иначе сыну местечкового портного взяться за наган? Сколько таких, как он, заделались марксистами от жгучей обиды...

В прихожей звонит телефон. Моисей босиком идет туда, снимает трубку.

– Товарищ Зелен?

– Да, это я.

– Сейчас с вами будет говорить товарищ нарком, соединяю. – Он слышит голос жены и улыбается. Клава на работе и должна выдерживать официальный тон даже с ним. Трубку берет Литвинов:

– Отоспался, комиссар?

– Так точно, Максим Максимович.

– Завтра утром ко мне не приходи. Тебя примет Анастас Иванович Микоян. В девять в приемной наркомпрода.

– Меня переводят?

– Все узнаешь на месте. А сегодня вечером жду на чай. Сахара будет вдоволь... Не забудь взять Клаву, Лоу очень хочет ее видеть.

– Понял, товарищ нарком.

Зелен кладет трубку и задумчиво бредет к окну. За стеклом голубое небо. Украшив белыми шапками крыши Замоскворечья, снег угомонился. Зелен обращает взгляд к Москвереке и уже в который раз вздрагивает: на месте храма Христа Спасителя расчищенная площадка. Величественное здание на набережной составляло неотъемлемую часть белокаменной, и отсутствие храма зияло страшной пустотой. Иосиф Виссарионович своего добился...

Моисей не верил в Бога, но церкви ему нравились. Он считал, что культовые здания вполне можно использовать в других целях, сохраняя их как памятники зодчества. Новый хозяин Кремля думал иначе. Сталин, начинавший свой путь с учебы в духовной семинарии, отступился от веры, от Бога, а отступники люто ненавидят тех, кого они предали.

США. Нью-Джерси. 2000 год. Февраль

На Бродвее, как в залитом светом подземелье, время суток сразу не разберешь. В отсветах огней сверкающих витрин и вездесущей рекламы прохожие будто актеры на освещенных подмостках. Только по нарядам и макияжу можно догадаться, что сейчас они разыгрывают сцены из ночной жизни Нью-Йорка.

Бродвей – часть Манхэттена, центра гигантского мегаполиса. Чтобы попасть из Манхэттена в Нью-Джерси, надо лишь пересечь Гудзон по мосту или переплыть реку на катере. Двадцать минут – и вы в другом штате. В западных пригородах Нью-Йорка, плавно переходящих в Нью-Джерси, живут обеспеченные люди. Ни шума, ни яркого света реклам. Солидные особы тихо дремлют в глубинах ухоженных садилов. В Форт-Ли особнячки побогаче и садики побольше. Особняк дедушки Алекса в самом центре Форт-Ли. Унылая тишина в доме. Только старые напольные часы в холле медленно, как усталое сердце, отбивают такт: там-тим, там-тим. И каждые полчаса глухой протяжный бой. После университетского бедлама младшему из рода Слободски тишина кажется мертвой. Внизу шепчутся врачи. Их шушуканье – словно шелест бумаги. Они спорят о диагнозе. Алексу хочется крикнуть: «Проснитесь, еще никто не умер! Заведите громкую музыку! Ударьте в барабаны! Орите, наконец! Жизнь любит шум, тишина – это смерть!...»

После разговора с дедом он поднялся в свою комнату. Эту уютную мансарду с камином пятилетний внук выбрал себе сам. Это случилось перед Рождеством: родители улетели на рождественские каникулы в Европу и подбросили сыночка деду. Иван Алексеевич, тогда еще полный сил, работал по пятнадцать часов в сутки и уделять много времени малышу не собирался. Он поручил внука стареющему негру Полу, исполнявшему тогда обязанности Семена. Но мальчик с раннего детства проявлял самостоятельность, и мелочная опека его тяготила. Пол скоро это понял и ребенку не докучал. Малыш бродил по саду, облазил весь дом и однажды забрался на мансарду. В этой комнате никто не жил. Иван Алексеевич использовал ее для хранения огромной коллекции каталогов алкоголя со всего света. Алексу так понравились красивые картинки, что он забыл о времени. Ребенка хватились только вечером, началась паника. Пол клялся, что из сада мальчик не выходил. Стальные ворота с тяжелым замковым механизмом не давались и гангстерам, что говорить о ребенке? Иван Алексеевич пришел в ярость, отобрал негра и самолично обыскал дом. Спящее чадо он обнаружил на кипе рекламных проспектов. При виде посапывающего внука злость Ивана Алексеевича испарилась. Он поднял ребенка, прижал к себе и громко запел. Разбуженный малыш не желал покидать мансарду.

– Ты так и будешь тут жить? – Дед расхохотался. – В твоей комнате полно игрушек. Почему ты не хочешь к себе?

– Да, я хочу жить тут, – упрямо заявил наследник.

Мансарду прибрали, поставили кушетку, шкафчик и постелили на пол большой мягкий ковер.

– Пускай поиграется в новое жилье, – разрешил Иван Алексеевич. – Надоест – вернется к игрушкам.

Но внук так и остался в мансарде. Позже туда добавили компьютер, кресло и журнальный столик. Хотя старую детскую и по сию пору сохраняли в неприкосновенности, навещая дедушку, Алекс обитал только наверху.

Молодой человек вошел, закрыл за собой дверь и огляделся. Как славно! Все сияло чистой, в камине потрескивали поленья, а на журнальном столике, в канделябре, горели свечи. Семен Григорьевич и при болезни деда не забыл подготовить чердачный апартамент к приезду молодого хозяина. Сотов служил в доме не так давно. Откуда он появился, никто толком не знал. Отношения между слугой и старшим Слободски родные находили странными. Сотов часто сквернословил, мог накричать на Ивана Алексеевича, если тот забывал выпить лекарство или выходил в холодную погоду в легкой, с точки зрения Семена Григорьевича, одежде. Отец

Алекса намекал, что у деда со слугой есть какая-то общая тайна. Но тайна – она и есть тайна: никто, кроме двух стариков, в нее посвящен не был.

Алекс уселся в кресло у камина и перевернул кочергой полено. Болезнь деда застала молодого человека врасплох. В его возрасте жизнь кажется вечной, в этой вечности все должно сохраняться на своих местах, в том числе и близкие. Учась в колледже, он часто гостил в доме деда. Но, став студентом университета, старика видел всего несколько раз. По неписаному закону семьи родные собирались в Форт-Ли три раза в год – на православную Пасху, в день ангела деда и на Хеллоуин. В детстве Алекс очень любил наряжаться чертенком и пугать домашних.

«Неужели нормальная жизнь закончилась? – размышлял студент, поглядывая на жадные язычки пламени. – Я – босс. Ничего глупее представить себе нельзя». Дедушка намеренно преуменьшал перемены, ожидающие внука в новом его статусе. Чтобы руководить огромной компанией, надо досконально узнать все, что делается на заводах, вникнуть в проблемы всех филиалов, разобраться в конъюнктуре спроса и сбыта. На самое поверхностное знакомство с алкогольной империей деда потребуется несколько месяцев каторжной работы. Алекс привык все делать лучше других и решать быстрее других. Это касалось учебы, спорта и даже личной жизни. Не случайно самая красивая девушка на факультете, Кэт Томпсон, ради молодого Слободски могла забыть обо всем на свете. Видно, за эти качества дед и наказал внука своим доверием.

– Ужинать, Сашка. – Семен Григорьевич внес в комнату поднос, поставил его на журнальный столик. – Решил принести твой ужин сюда. В доме полно врачей, они жрут в столовой. Я подумал, что тебе их компания, как свинье седло...

– Спасибо, дядя Семен. Скажи, дедушке правда так плохо или он взял меня на понт?

– Боюсь, что мы нашего дурня теряем. Старый жеребец хоть борозды и не портит, но пахать должен в меру. А твой старик меры не знал. Работал по двенадцать часов, содержал молодую шлюху, приплывшую в Нью-Йорк из Одессы. Выпивал за обедом стаканчик-другой. Вот и доигрался – обширный инфаркт, и вдобавок отнялись ноги. – Семен Григорьевич отвернулся и беззвучно заплакал.

Алекс попытался успокоить его:

– Не расстраивайся, дядя Семен. Может, все еще обойдется... – И сам разревелся.

– Я молюсь за него. Дай-то Бог. Ты не знаешь, какой он простофиля! – Семен достал из кармана платок.

– Простофиля?! – сквозь слезы возмутился Алекс.

– Простофиля и лох. Стоит кому поплакаться ему в жилетку, он, ничего никому не сказав, спешит на помощь. И я бы не знал, но кто-то должен был исполнять эти дурацкие поручения. Я и исполнял. Ты только не проговорись, он меня убьет. Старый дурень ненавидит людей, делающих добро напоказ...

– Как мой папочка... – вставил Алекс.

– Нельзя так о родителях, Сашка. Родителей мы не выбираем, а они дают нам жизнь. – Семен Григорьевич вытер платком глаза и кивнул на поднос с ужином: – Наваливайся, пока не остыло. А я пойду. Надо быть рядом, а то еще отмочит чего-нибудь...

Алекс ковырял вилкой сочный бифштекс из вырезки техасского бычка, но еда в горло не лезла. Он отодвинул поднос, снял джинсы, рубашку, переделся в пижаму и спустился в ванную. Иван Алексеевич в своих бытовых привычках оставался старомоден. Ни бассейнов, ни джакузи дед себе не завел. В огромной ванной комнате царил большая чугунная ванна с медными кранами горячей и холодной воды. Была тут и душевая кабина, но дед ею никогда не пользовался. Иван Алексеевич любил посидеть в горячей пене с сигарой в руке. Раньше дедушка курил много, и весь дом пропитывался запахом дорогого табака. Кубинские сигары ему привозили и в годы запрета на торговлю с красным островом. В последнее время позволял

себе одну сигару после обеда и одну – в ванной. В шкафчике над умывальником хранилась большая коробка гаванских сигар.

Алекс открыл оба крана. Бешеные струи водопадами хлынули на белую эмаль, и через три минуты чугунная чаша наполнилась. Молодой человек погрузил себя в ее горячее нутро, поболтал ногами, поплескался и залег, вывесив руки за чугунные берега. Неужели он после нудного рабочего дня так же, как и дед, изо дня в день будет смывать с себя запах денег? Зачем их зарабатывать в таком количестве? Он и раньше спрашивал об этом дедушку. Иван Алексеевич на тему денег шутить не любил. «Ты, малыш, должен понять, деньги – это в первую очередь ответственность, – сказал он однажды внуку. – Подумай, сколько людей останутся без работы, если я закрою дело. Сколько мальчиков и девочек не смогут получить образование? Сколько служащим придется вернуть свои купленные в кредит дома и квартиры... Представляешь, какое горе принесет один мой безответственный шаг. На вкусную жратву, дорогие машины и шикарных баб мне хватит до смерти, да и тебе тоже. Но мы же люди? А человек должен отвечать за свои поступки».

Иван Алексеевич за свои поступки отвечал, но почему Алекс должен отвечать за поступки деда?

– Сашенька, скорее! – Семен Григорьевич вбежал в ванную, схватил полотенце. – Иди к нему, Сашенька. – Старый слуга впервые обратился к молодому хозяину так ласково.

Высочив из горячей воды, Алекс выхватил у Сотова полотенце, наспех оберся, напялил пижаму и побежал за Семеном.

В спальне деда он застал родителей и с десятков врачей.

– Дедушка скончался, – трагическим тоном сообщил Дмитрий Иванович и перекрестился. Страшная новость, высказанная по-английски, покорила внука. В доме Ивана Алексеевича говорили только на родном языке. Старик лежал, откинув загорелое, румяное лицо на подушки, и смотрел в потолок. Алекс отвернулся. Он не хотел видеть, как отец патетическим жестом закрывает дедушке глаза, как встает на колени и картинно молится.

– Потелуй его, сынок. – Маргарет взяла Алекса за руку и, уколов острыми коготками, тихо пожала ее: – Уви, все ми смертни...

Хоть мама и проявила такт, заговорив с сыном по-русски, Алекс вырвал руку из ее когтков и вышел из спальни. К себе в мансарду он подниматься не стал, а спустился вниз, прошелся по дому и остановился возле своей бывшей детской комнаты. Открыл дверь и словно шагнул на семнадцать лет назад. На диване сидел огромный медведь Ваня. На полу выстроился целый парад автомобилей. Господи, какие они стали маленькие. А ведь я мог прокатиться на каждом из них.

Красный «Форд» дедушка подарил внуку на шестилетие. Малыш объездил на этом автомобиле весь сад вдоль и поперек, играя в путешественника. А синий «Понтиак» Алекс получил в первые каникулы, уже школьником. Каким он ему казался огромным! Молодой человек попытался забраться на сиденье. Коленки уперлись в подбородок, но он все-таки сидел. Осмотрев армию солдатиков, самоходную пушку и огромный парусник, повзрослевший наследник внезапно осознал: счастливый мир детства не вернется.

– Дедушка, почему ты ушел?! – Громкий крик вылетел из глубины сердца, из глаз хлынули слезы.

По дому кто-то тихо ходил. В саду завели машину, и она, черкнув фарами по стене, укатила. А он все сидел в синем «Понтиаке» своего детства и плакал. Со слезами уходила страшная тяжесть утраты...

Алекс вылез из машинки, вытер о плюшевого Ваню лицо и упрямой походкой направился в кабинет деда. За старинным письменным столом, справа от кресла, таился стальной сейф. Алекс знал, что дедушка хранит ключи в потайном ящичке письменного стола. Иван Алексе-

евич однажды показал ему свой тайник. Алекс открыл сейф и увидел горку папок. Перебрав их, нашел одну с надписью «Саша». Выложил на стол, развязал ленточки и открыл.

Сверху, в отдельном конверте, лежало письмо к внуку. Алекс взял конверт и спрятал в карман. Кроме письма, в папке хранились имена и адреса людей, чья-то переписка и пожелтевшие фотографии. На одной из них он увидел блестящего морского офицера и сухенького моложавого человека в сером костюме. На обороте снимка имелась надпись: «Господин Слободски и товарищ Зелен – союзники. «Амторг», переговоры по ленд-лизу. Одна тысяча девятьсот сорок первый год».

Екатеринбург. 2000 год. Февраль

Мать и дочь Сегунцовы завтракали. Наталья Андреевна подлила дочери из кофейника и поджала губы:

– Хоть спасибо бы сказала матери.

– Что, мама? – Марина подняла на мать удивленные глаза.

– Ничего. Я за ней, как прислуга, ухаживаю, а она даже поблагодарить не удосужилась.

– Извини, мамочка, я задумалась. – Чадо выдавило из себя улыбку и глотнуло кофе.

– Что с тобой, девочка? В институте неладно? – В глазах матери тревога, надо отвечать.

– Нет, мама, все в порядке.

– Тогда не спи за столом, ты легла рано, должна бы и выспаться... – Родительница вчера вернулась с дежурства после десяти, постучала в комнату дочери, но та уже спала.

– Сегодня зачет у Фролова, я и задумалась. – Марина быстро опустошила чашку, отнесла посуду в мойку, открыла кран.

– Ладно, оставь. На работу не иду, сама управлюсь. Беги на занятия, – разрешила мама.

Марина кивнула и поспешила в комнату одеваться. Наталья Андреевна возникла на пороге с кошельком в руках: – Возьми пятьдесят рублей, поешь в столовой, если задержишься.

– Не надо, мама. У меня еще тридцатник со вчерашнего дня сохранился, – отказалась дочь.

Мать покачала головой и вышла. Марина сбросила халатик и застыла перед зеркалом: «Без одежды я ничуть не хуже девиц из журналов. – Девушка вздохнула. – А надену тряпки – и серая мышь». Ей очень бы хотелось выглядеть как Катя Щеглова или Вера Сомова. Но где взять столько денег? Хорошо им с папами-бизнесменами. Она открыла шкаф и задумалась. Сама не знала, какая муха ее укусила, только сегодня хотелось праздника. Сняла с вешалки единственное фирменное платье из немецкого трикотажа и облачилась в него. Это платье она надевала всего два раза. Один раз – в театр с Николаем Спиридоновичем, поскольку он ей это платье и подарил. Второй – на вечер в институте, сегодня – третий.

Однако с выходным нарядом драные колготки не напялишь, их можно только под брюки. Выдвинула ящичек комода, извлекла единственную упаковку новеньких и натянула на ноги прозрачную паутинку. Рюкзачок с тетрадями она приготовила с вечера, но в последний момент брать с собой раздумала. Отставила его в угол, снова посмотрелась в зеркало, попудрила носик, надела белую вязаную шапочку, обула сапожки на высоком каблучке и глянула на часики. На сборы ушло пятнадцать минут. Студентка выходила из дома, как всегда, в обрез.

– Пока, мама.

– Пока, девочка. Ты сегодня долго?

– Не знаю. Часов в пять, наверное...

– Молока купи. Впрочем, не надо, я сама выйду.

– Тогда до вечера.

Марина набросила поверх нарядного платья пуховку, захлопнула дверь и, цокая каблучками, спустилась вниз. В подъезде дурно пахло, там и сям валялись банки от пива. В холодную погоду алкаши использовали лестницу в качестве бара. Среди жильцов постоянно ходили

разговоры о необходимости кодового замка. Но замок требовал расходов, и вопрос о нем уже несколько лет оставался открытым. Марина вышла и с облегчением втянула в ноздри утреннюю дворовую свежесть.

Вокруг происходили события, которые она наблюдала каждое утро. Пожилой сосед мучил стартером свой «москвичок», молодая мама Галя, «без мужа», катала коляску, мужики опохмелялись на скамейке пивом. Дворники снег расчистили, и она благополучно миновала двор. В подворотне цокот каблучков раздавался особенно звонко. Марина вышла на улицу и увидела Толика с Витей. Парни стояли возле черной иномарки и во весь рот улыбались. Девушка, не оглядываясь, побежала к остановке. Молодой человек, каждое утро поглядывающий на нее с мужским интересом, как всегда, дожидался автобуса. Марина смело подошла к нему:

– Ты чего такой большой и такой робкий? Только пялишься, а заговорить боишься?

– Я... а... – смутился кавалер.

– Ну не я же. Меня зовут Марина, а тебя?

– Меня Костей.

– Костя, тут какие-то парни ко мне привязались, возьми меня под руку.

Здоровяк Костя осторожно прикоснулся к ее локтю. Толик с Витей, припустившиеся было за ней, заметили, что девушка беседует со здоровенным детиной, и в нерешительности замерли. В это время подкатил автобус.

– Ты куда едешь? – спросила Марина у смущенного воздыхателя.

– На работу.

– Я прокачусь немного с тобой? – И не дожидаясь согласия, схватила его за руку и втащила в салон: – Не бойся, я сейчас сойду. Только погляжу, тащатся за мной эти двое или отвязались.

Костя широко и по-доброму улыбнулся:

– Зачем сходить, давай заскочим вместе ко мне на работу, я предупрежу ребят, и мы погуляем. Я правда давно хотел с тобой познакомиться, да страшно.

– Я что, на бабу-ягу похожа? – рассмеялась Марина.

– Нет, ты красивая. Это я трус, – признался застенчивый кавалер.

Марина покраснела и, чтобы скрыть смущение, ткнула пальцем в окно:

– Смотри, мой институт проезжаем.

– Ты в педагогическом учишься? – с уважением протянул Костя. – И на кого же?

– На социолога...

– Умной будешь...

– Умной надо родиться, а образованной – постараюсь.

– А я мастером спорта хочу стать. У нас в субботу в крытом зале дворца соревнования.

Приходи, поболеешь за меня.

– Видно будет... Долго еще ехать?

– В самый конец Ленинского. За две остановки до Коммунаров сходить...

Костя работал механиком в автосервисе. Пока он договаривался с коллегами, Марина с любопытством осматривала задранные на подъемниках авто, чумазых парней в синих спецовках, странные приборы на тележках. В автомастерскую она попала впервые.

– Ради такой крали отпустим, – басом сообщил вихрастый великан в замасленной спецовке. – Отпустим, Славик?

Славик разогнулся, вытер тряпицей черные от моторной черноты руки и с ног до головы оглядел Марину:

– Клевая деваха. Давай, Костя, не робей...

Марина опустила глаза. Такого откровения парни из института себе не позволяли.

– Не красней, дурочка. Костя у нас скромник, хоть и борьбой занимается. Мужика любого уложит, а к вашему полу у него мандраж. – Славик подмигнул товарищу и снова полез в движок машины.

– Не обижай нашего Костеньку... – уже из-под брюха висящей на подъемнике «Лады» басом добавил вихрастый великан.

– Так и быть, не обижу, – пообещала Марина и взяла Костю под руку: – Ну, пойдем, что ли, борец? – Ей стало легко и весело. Сослуживцы ее нового знакомого, хоть и выражали свои мысли откровенно, но пошлости в их словах она не услышала.

– Ты, Марина, не обижайся, они ребята что надо. Мы тут как у Дюма – «один за всех и все за одного», – словно читая мысли девушки, заступился за коллег Константин.

Они погуляли по Плотинке, прокатились на метро, побродили по зоопарку.

– Господи, уже три! – удивилась Марина, взглянув на свои часики.

– Ну и что? Ты куда-нибудь опаздываешь?

– Уже никуда. Я и так с тобой все лекции прогуляла.

– А я прогулял работу. Есть охота, пойдем питаться.

– Хочешь, ко мне домой? – неожиданно для себя пригласила Марина: – Мама сегодня дома, а когда она не дежурит, обед всегда есть...

– Неудобно с ходу. И я не одет, как шел на сервис, так и в гости?

– На кафе у меня всего тридцатник, – предупредила студентка.

– Я, что ли, с тебя деньги брать собираюсь? – обиделся кавалер. – Я же работаю, могу за девушку и заплатить. Только давай сначала зайдем ко мне. Переодеюсь. Я тут недалеко живу. Ты-то же в прикиде...

– А приставать не будешь? – Марина спросила, потом вспомнила, как вихрастый наказывал не обижать друга, и расхохоталась: – Ладно, пошли.

Костя жил на улице Луначарского, в маленькой квартирке. Марина вошла и с трудом сдержала улыбку. Жилье механика автосервиса выглядело так же бесхитростно, как и он сам. На полу у тахты набор гантелей, на столе, совмещающем обеденные и офисные функции, – компьютер, каталоги иностранных машин и вазочка с леденцами. На стенах календари с портретами известных атлетов. Гостя провела пальцем по книжной полке и покачала головой:

– Ты когда-нибудь у себя убираешься?

Хозяин виновато посмотрел на ее палец.

– Вроде вчера.

– Давай ведро с тряпкой и переодейся, – приказала Марина.

– У меня девчачьих вещей нет, – растерялся Костя.

– Рубаху старенькую волоки, она мне за халат сойдет. – Костя принес ковбойку, швабру с ведром и замер посередине комнаты. – Что встал, как слон в посудной лавке? Беги в магазин, купи нам полопать.

– А чего купить?

– Разберешься. Я как раз закончу, и перекусим. Зачем в кафе деньги тратить, – тоном опытной хозяйки распорядилась девушка.

– Ура, можно не переодеваться! – обрадовался Константин и, прихватив пустой пакет, удалился.

Марина стянула с себя немецкое платье и облачилась в ковбойку. В рубашке Кости она выглядела как Гаврош, готовый к боям на баррикадах Парижа. Пришлось не только закатать рукава, но и завязать полы на талии. Барышня осмотрела себя в зеркале, покачала головой и приступила к уборке.

Странное чувство овладело ею. Казалось, они с Константином знакомы много лет, и чуть ли не брат и сестра. Большой ребенок, Костя вызывал у нее почти материнскую нежность. Интересно, смогла бы я здесь жить с ним вдвоем? Он добрый парень, но о чем с ним говорить?

О деталях к иномаркам да о вольной борьбе? Она представила себя в спортивном зале в качестве болельщицы и заскучала. А если заставить его учиться? Костя еще молодой. Он из тех бычков, которых женщины берут за кольцо в ноздре и ведут за собой.

Размышляя подобным образом, Марина продолжала уборку. И вскоре маленькая квартира преобразилась. Ни пыли, ни грязной посуды. Гостя успела уже вымыть холодильник, а хозяин все не возвращался. На рынок, что ли, поехал? Переоделась в свое, нашла книжку Дюма, с теми самыми мушкетерами, которые «один за всех и все за одного», дочитала до пятой страницы, когда в замке послышалась возня и дверь тихо отворилась.

– Ты чего, в Америку за жратвой плавал? – крикнула Марина, откладывая книгу. Ответа не последовало. Она встала и вышла в прихожую. Костя, бледный как мел, стоял на пороге, привалившись к дверному косяку, и держался за бок. Марина бросилась к парню:

– Что с тобой, Костенька?

Костя тихо застонал.

– Обопрись на меня. – Она перекинула его огромную лапу себе на плечо и попыталась двинуться. Но атлет был слишком тяжелым. – Попробуй хоть два шага сделать, а я поддержу. – Костя кивнул, напрягся, и они добрались до дивана. Марина постаралась отнять его руку, которой он придерживал бок, и вскрикнула: с пальцев капала кровь.

Москва. Дом на Набережной. 1937 год.

Октябрь

Огромный Литвинов и невысокий, худощавый Зелен. Два старых друга бредут по серой Москве, вокруг дома на Набережной.

– Генох, что же он делает? Почему? – взволнованно вопрошает Моисей.

– Убирает наших. А почему, трудно сказать... Ты, Моня, теперь занимаешься реальным делом. Держись подальше от политики. – Нарком топит руки в карманах пальто и усмехается. – Знаешь, Чичерин меня терпеть не мог, а случись, начали бы топтать, уверен, заступился бы старик...

Зелен останавливается:

– Ты про Георгия Васильевича? А не он рекомендовал тебя на пост наркома?

Максим Максимович не отвечает, он смотрит на черный дым из труб Бабаевского завода и вспоминает тонкое выразительное лицо первого советского наркома иностранных дел. Чичерин не имел семьи и все время проводил на работе. Часто и ночевал в кабинете. Однажды Литвинов засиделся допоздна. Уткнувшись в бумаги, не заметил Чичерина. Георгий Васильевич положил ему руку на плечо, провел ладонью по груди, рука скользнула ниже. Литвинов обернулся и встретился с призывным взглядом темных глаз. Он покраснел как рак, вскочил с кресла.

Зелен думает, что Литвинов не расслышал вопроса, и повторяет:

– Разве не Чичерин рекомендовал тебя на пост наркома?

Литвинов хохочет.

– Знаешь, что он про меня говорил? Этого хама и невежду близко к дипломатической работе подпускать нельзя. И не только говорил, писал в секретариат ЦК.

– Про тебя, Генох? Невежда? Ты же по-английски шпаришь как лондонец...

– Моня, мы с тобой местечковые евреи, а Чичерин барин, дворянин. Он говорил на пятнадцати или двадцати языках, кушал дичь пальчиками, а для рыбы брал вилку с тремя зубцами. За что я его люто ненавидел... Спасибо Лоу, она меня отмуштровала. А то я бы по сей день резал котлету ножом.

– Мы, евреи, для того и пришли в революцию, чтобы добыть право на образование и забыть о черте оседлости.

– Ладно, Моня, я тебя вынул из семейного гнезда не для отвлеченных бесед. Гитлер готовится к войне. – Литвинов кивает на Кремль: – Хозяин начинает с ним заигрывать. Гитлер – ярый антисемит. Еврейский наркомат иностранных дел Адольфу не понравится. Чувствую, что продержусь недолго... Хочу тебя попросить, для твоей же пользы, прекратить наши частные общения...

– Генох, ты в своем уме? Неужели ты думаешь, что я ради карьеры стану Иудой?

– Оставь в покое Библию. В России знают, что Иуда еврей, но не хотят знать, что Иисус еврей тоже...

– Ты же сделал столько для революции? Кто же тебя посмеет тронуть?

– Он посмеет.

– Кто он такой? Почему ему все дозволено?

– Он Джугашвили, из которого мы сами сделали Сталина...

– Как сделали? Я ничего не делал. Я честно исполнял поручения партии.

– Я тоже. Но мы оба отвернулись от вагона, в котором спровадили Льва Давидовича, оба промолчали, когда он начал коллективизацию. Да стоит ли перечислять...

– Генох, скажи честно, я тебя когда-нибудь подводил? А?

– Нет, Моня, ты железный мужик, и я тебя люблю.

– Тогда почему гонишь?

– Дурак ты, Зелен. Гитлер – это война. Армию надо кормить и поить. Ты сейчас в продовольственном наркомате. Не отвлекайся на эмоции, отдайся делу. Я не хочу, чтобы из-за меня тебя отстранили. Беспокоюсь и о тебе, и об армии. В сложившихся условиях, чтобы накормить армию, нужны такие люди, как ты. Вожди приходят и уходят, а Страна Советов должна стоять вечно... Понял, комиссар?

– Таки цонял, товарищ нарком. Меня переводят в Главспирт. Там я смогу не накормить армию, а спить ее...

– Для русского человека водка – великое зло и великий стимул. Еще при государе морякам выдавали чарку в день, а пехоте раза три в неделю. Кроме того, водка – это казна. Тебе доверяют оружие страшной силы, подумай об этом.

– Подумаю...

– Как тебе Анастас?

– С товарищем Микояном можно-таки работать. Он мужик умный и дипломат похлеще тебя...

– Да, хитрый армянин. Я рад, что пристроил тебя к нему.

– Я уже многому у наркома научился. Только, понимаешь, не научился улыбаться, когда кулаки чешутся врезать по морде... И подозреваю, никогда уже не научусь...

– Знаю. И еще... Я сегодня подписал приказ об увольнении твоей жены. Сделал это по тем же соображениям. Объясни все Клавье, только не в стенах дома. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – кивает Зелен, хотя сразу переварить подобное ему трудно.

Литвинов руки не подает:

– Теперь погуляй немного и не оглядывайся. Я бы обнял тебя на прощанье, да следят за нами. – Нарком резко поворачивается и двигает прочь. Зелен тянется за ним.

– Не смей, комиссар! Забыл про партийную дисциплину? – рявкает Максим Максимович и быстро шагает к мрачной серой машине дома.

Екатеринбург. 2000 год. Февраль

Ей казалось, что все происходящее – кошмарный сон, и очень хотелось проснуться. Марина металась по квартире Кости, не зная, чем ему помочь. Парень продолжал стонать. Она наклонилась, начала стягивать с него куртку и услышала мелодичный звонок. Покрутила голо-

вой, соображая, откуда идет сигнал. Сообразила. Засунула руку во внутренний карман куртки и нащупала мобильный.

– Я слушаю.

– Ты кто? – басом удивились в трубке.

– Я Марина, а кто вы?

– А, кралечка, что навещала нас в мастерской? Позови Костю.

– Костя не может говорить. Он ранен. Я у него дома. Вызовите «скорую» и приезжайте, мне страшно.

Связь отключилась. Через пятнадцать минут в прихожей раздался звонок. Врача и медсестру «скорой помощи» сопровождали пятеро крепких молодцов. Двоих из автосервиса Марина признала сразу, это были вихрастый великан и парень, что ее бесцеремонно разглядывал. Врача она тоже видела раньше, он приезжал по ее вызову на квартиру к маминному дяде. Только тогда его сопровождала другая медсестра. Медик тоже узнал девушку:

– Надеюсь, на этот раз, милочка, вы меня не проводите к трупу?

– Как вам не стыдно, человек страдает, а вы нтутите! – пристыдила эскулапа Марина. Костя лежал на диване и тихо постанывал.

– Ножницы, шприц, новокаин. – Отдавая приказы, врач по ходу сдирал с Кости рубашку и исследовал рану. – Перевязку, и срочно госпитализировать. – Оглядев притихших друзей раненого, обратился к ним: – Нечего истуканами торчать, бегите за носилками.

Парни сорвались с места и, толкаясь в дверях, исчезли. Сестра склонилась над Костей со шприцем. Сделав укол, принялась за бинты. Доктор отследил за ее руками и достал из халата мобильный телефон:

– Милиция? Дежурный, примите сообщение. Я врач «скорой помощи» Авдотьев. У меня пулевое. Везу в первую на Волгоградскую. Говорить больной не сможет, но есть свидетель. – И повернулся к Марине: – Напомни, как тебя зовут.

Марина назвала свое имя и фамилию. Авдотьев повторил в трубку и убрал телефон в карман.

– Где у него документы?

– Не знаю.

Доктор кивнул на куртку, что валялась на стуле:

– Посмотри в карманах.

Марина нащупала кулек с леденцами, достала бумажник, но открывать его постеснялась:

– Мне неудобно.

– Дай сюда. – Врач ловко раскрыл бумажник, вытащил из него документы, после чего бумажник Марине возвратил. – Дело дрянь. Его надо срочно оперировать.

Парни вернулись с носилками. Перевязанного Костю вынесли из квартиры.

Марина осталась одна. Девушка присела на диван, где только что корчился от боли ее новоявленный кавалер, и закрыла глаза. Она очень устала от пережитого. В прихожей снова послышался топот.

– Ты с нами поедешь или будешь здесь сидеть? – В ожидании ответа вихрастый великан по-хозяйски осмотрел квартиру: – Сразу видно, девчонка порядок навела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.